

ДХУМАВАТИ

—◆—
Голос в дыму

АНАТОЛИЙ РОМАШКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анатолий Ромашков

Дхумавати. Голос в дыму

<https://litres.ru/74560148>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дмитрию сорок. Обычная работа, квартира в шестьдесят четыре квадратных метра, вечера над санскритскими словарями — и голос. Женский, спокойный, насмешливый. Он слышит его давно и зовёт просто: Ма.

Однажды вечером Ма говорит: «Готовься». — «К чему?» — «Узнаешь».

Так начинается путь, которого он не выбирал и с которого уже не сошёл бы: ночи на кладбище, циклы практики, разорванная мала и семь чужих бусин, шестьдесят четыре сестры-йогини — у каждой свой голос и свой характер, ученицы, которые приходят к нему, а уходят к себе, ошибки, за которые платишь собой, и тишина, в которой наконец становится слышно главное.

«Дхумавати. Голос в дыму» — роман о Матери, которая не утешает, а учит; о страхе, который не нужно побеждать, если научиться видеть; и о человеке, который однажды понял, что быть везде и нигде — не загадка, а его настоящий адрес.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	53
Глава 5	60
Глава 6	78
Глава 7	106
Глава 8	143
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Анатолий Ромашков

Дхумавати. Голос в дыму

Анатолий Ромашков

ДХУМАВАТИ

Голос в дыму

© Анатолий Ромашков, 2026

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного согласия правообладателя.

Содержание

Глава 1 Шестьдесят четыре

Глава 2 Агхорачарасантушта

Глава 3 Варанаси

Глава 4 Манали

Глава 5 Между Индией и Россией

Глава 6 Слышать

Глава 7 Ученица

Глава 8 Объединение

Глава 9 Трещина

Глава 10 Невозможное завершение

Глава 11 Незакрытая нить

- Глава 12 Первая ночь
- Глава 13 Разлетелись
- Глава 14 Семь чужих
- Глава 15 Третья ночь
- Глава 16 Девять
- Глава 17 Восемнадцать
- Глава 18 Двадцать семь
- Глава 19 Тридцать шесть
- Глава 20 Первый голос
- Глава 21 Другие
- Глава 22 Сёстры
- Глава 23 Кто говорит?
- Глава 24 Характеры
- Глава 25 Лакшми
- Глава 26 Чамунда
- Глава 27 Чиннамаста
- Глава 28 Дом
- Глава 29 Шестьдесят восемь
- Глава 30 Две
- Глава 31 Звонок
- Глава 32 Три
- Глава 33 По одной
- Глава 34 Граница
- Глава 35 Дурга
- Глава 36 Разгон
- Глава 37 Жёны

Глава 38 Без границ

Глава 39 Годы

Глава 40 Последний цикл

Глава 41 Махариши

Глава 1

Шестьдесят четыре

Без двух минут шесть Дмитрий сохранил документ, закрыл рабочую таблицу и несколько секунд смотрел на экран, словно ожидал, что компьютер предложит ему уважительную причину остаться ещё на полчаса.

Компьютер молчал.

Это было взаимно.

После шести вечера Дмитрий относился к работе примерно так же, как работа относилась к нему: без ненависти, но и без чрезмерной любви.

За стеной кто-то задвинул стул. Дальше по коридору хлопнула дверь. Потом стало тихо.

Начальство к этому времени обычно либо уходило, либо делало вид, что занимается чем-то чрезвычайно важным. Дмитрия такой порядок устраивал: его почти не трогали, задачи были понятными, зарплату платили вовремя, а главное — никто не испытывал потребности проверять, чем именно он занят каждую минуту рабочего дня. Для человека, которому после работы предстояло заниматься собственной жизнью, это было почти идеальным условием.

Он вытащил из разъёма маленькую флешку, положил её в карман и закрыл ноутбук.

— Домой, — сказал он себе. — Наконец-то.

А ты куда-то торопишься?

Дмитрий застыл с курткой в руках.

— Нет.

Тогда зачем «наконец-то»?

Женский голос прозвучал совершенно спокойно. Не из коридора. Не из телефона. Не из соседнего кабинета.

Дмитрий продолжил надевать куртку.

— Потому что я восемь часов здесь просидел.

Семь часов сорок три минуты.

— Ма, не придирайся.

Я не придираюсь. Я уточняю.

— Вот именно это люди и называют «придираться».

Ответа не последовало. Дмитрий усмехнулся: он давно заметил эту её особенность. Если Ма считала разговор истощенным, она просто переставала отвечать, и доказывать что-то в пустоту было ещё глупее, чем спорить с ней.

Он выключил свет и вышел.

* * *

На улице всё ещё было светло. Лето в этих местах никогда толком не умело обращаться с ночью: в июне темнота словно передумывала наступать — небо бледнело, солнце уходило за дома, но настоящий мрак приходил ненадолго и нехотя.

Дмитрий открыл машину. Старая Lada встретила его привычным запахом нагретого пластика.

— Вот она меня никогда не осуждает, — сказал он, садясь.

Потому что не умеет говорить.

— Поэтому и идеальная женщина.

Ма промолчала.

— Это была шутка.

Я поняла.

— По голосу не заметно.

А я обязана смеяться каждый раз, когда ты считаешь себя остроумным?

— Было бы приятно.

Он завёл двигатель. Машина дёрнулась, успокоилась, и Дмитрий выехал с парковки.

Дорога домой занимала минут двадцать пять, если город не решал внезапно доказать, что способен на московские пробки. Сегодня повезло. За окнами тянулись широкие улицы, старые тополя, новые высотки, серые панельные дома и редкие участки частного сектора, которые город пока не успел проглотить. За окраинами начиналась совсем другая жизнь: лесные дороги, дачи, поля, старые деревни, кладбища.

Последние Дмитрий пока старался просто замечать и ехать дальше.

Он остановился у небольшого магазина. Взял мясо, хлеб, овощи и две упаковки фруктового чая. Возле кассы постоял над дорогим кофе, посмотрел на ценник и поставил пачку обратно.

— Не настолько я сегодня устал.

Ты вчера сказал то же самое.

— Значит, два дня экономии.

На что?

Дмитрий расплатился.

— Пока ни на что.

Тогда это не экономия.

— Ма.

Что?

— Иногда деньги просто не нужно тратить.

Тогда так и говори.

— Тебе обязательно каждую мою фразу разбирать?

Нет.

— Спасибо.

Только неправильные.

Он вышел из магазина.

— Это была ловушка, да?

Какая?

Дмитрий покачал головой.

* * *

Домой он приехал около семи. Квартира встретила его тишиной — именно за эту тишину он её когда-то и полюбил. Шестьдесят четыре квадратных метра для одного человека: большая комната, кухня, ванная, достаточно места для книг, рабочего стола, коробок, одежды и тех вещей, которые нормальный человек, вероятно, не стал бы хранить дома вообще.

С последним утверждением Дмитрий категорически не соглашался.

У входа он разулся, оставил продукты на кухне и первым делом прошёл в комнату.

Большую часть одной стены занимали книги. Русские, английские, на хинди, несколько полок санскритских изданий. Ксерокопии, распечатки, папки. Тонкие старые книги, которые приходилось брать только чистыми руками. И совершенно отдельная категория — материалы, привезённые когда-то из Индии.

Некоторые из них он не открывал годами. Не потому что забыл — потому что раньше не мог прочитать.

Теперь мог.

По крайней мере, ему нравилось так думать.

Рядом с кроватью стояло широкое мягкое кресло, накрытое красной тканью. На первый взгляд просто кресло. Только Дмитрий никогда не бросал туда одежду, не складывал пакеты из магазина и не позволял гостям садиться без разрешения.

На нижних полках шкафа стояли коробки. Некоторые обычные, некоторые — нет. Одну он машинально поправил, заметив, что она сдвинулась. Открывать не стал: рабочие вещи без необходимости он вообще не трогал.

За годы у него выработалось почти педантичное отношение к предметам. Если вещь использовалась для определённой задачи, она существовала именно для неё. Не для демон-

страции знакомым, не для фотографии, не для того, чтобы дать человеку в руки со словами «смотри, какая редкость».

Коллекционные вещи — другое дело, их можно было рассматривать.

Рабочие работали.

Он переоделся, поставил воду и открыл холодильник.

Ты сегодня ел?

Дмитрий остановился.

— Конечно.

Что?

— Еду.

Дмитрий.

— Нормально я ел.

Что именно?

Он вздохнул.

— Кофе.

Тишина.

— И булку.

Тишина стала выразительнее.

— Большую.

Это не еда.

— Ма, мне сорок лет.

Я знаю.

— Я способен самостоятельно определить, когда мне нужно есть.

Сегодня не смог.

Дмитрий закрыл холодильник чуть сильнее, чем требовалось.

— Сейчас поем.

Хорошо.

— Ты довольна?

Я не ставила перед собой такую цель.

Он достал кружку. Фруктовый чай пах чем-то средним между вишней, яблоком и химической лабораторией, но Дмитрию нравился. Кофе он пил редко, чай мог пить литрами.

Пока чай настаивался, он вернулся к столу и открыл личный ноутбук. На рабочем столе было слишком много файлов.

«Перевод_1».

«Перевод_1_новый».

«Перевод_1_новый2».

«Перевод_финал».

«Перевод_финал_правка».

«Перевод_финал_точно».

Дмитрий некоторое время смотрел на них.

— Вот здесь действительно нужен высший закон.

Какой?

— Запрет называть файлы словом «финал», пока они не закончены.

Установи.

— Не работает. Я сам его нарушу.

Тогда это не закон.

Он улыбнулся.

— Уже учусь.

Открыл последний файл. Перед ним появились строки де-ванагари.

Несколько лет назад он смотрел на такой текст как на красивую геометрию: различал отдельные знакомые слова, узнавал имена, мог разобрать простые конструкции — но для серьёзной работы этого было мало.

Теперь строка уже не выглядела стеной. Она сопротивлялась, но сопротивлялась как дверь с тяжёлым замком, а не как бетон.

Дмитрий медленно прочитал несколько слов. Вернулся. Прочитал снова. Записал вариант перевода, стёр, написал другой.

— Нет.

Что «нет»?

— Не тебе.

Тогда кому?

— Автору.

Он тебя слышит?

— Очень надеюсь, что нет.

Ма тихо рассмеялась. Дмитрий остановился.

— Вот.

Что?

— Ты всё-таки умеешь.

Что именно?

— Смеяться над моими шутками.

Это была не шутка.

Он хотел ответить, но передумал и снова посмотрел на текст.

На экране стояло имя.

Дхумавати.

Когда-то оно казалось ему почти чужим. Теперь произносить его вслух было странно — слишком официально, как если бы взрослый человек внезапно начал обращаться к собственной матери по имени и отчеству.

Для остальных существовали десятки определений. Богиня. Махавидья. Дхумавати. Угра. Страшная. Старая. Дымная.

Для него всё давно сократилось до одного слога.

Ма.

Он сделал глоток чая.

— Почему люди столько всего о тебе написали?

Потому что любят писать.

— Это я понимаю. Я сам пишу.

Вот видишь.

— Но они противоречат друг другу.

И?

— Кто-то говорит одно, кто-то противоположное. Такое ощущение, что речь вообще о разных существах.

Возможно, они видели разное.

— А кто видел правильно?

Ты опять задаёшь неправильный вопрос.

Дмитрий откинулся на спинку стула.

— Почему?

Потому что хочешь выбрать одного правого и остальных ошибающихся.

— А если один действительно прав, а остальные нет?

Тогда ты это обнаружишь.

— Очень содержательно.

Ты хотел, чтобы я сделала твою работу?

— Иногда было бы удобно.

Тогда зачем ты учишь санскрит?

Дмитрий посмотрел на экран.

— Хороший вопрос.

Я знаю.

Ему совершенно не нравилось, когда она так отвечала. Главным образом потому, что спорить было не с чем.

Он снова наклонился к ноутбуку. Час прошёл почти незаметно, потом ещё один. Текст двигался медленно: одно слово заставило открыть словарь, другое — второй, третье оказалось техническим термином, которому словарь давал настолько туманное объяснение, что проще было разбираться самому.

Дмитрий потёр глаза.

— Завтра.

Почему не сейчас?

Он поднял брови.

— Ты же обычно говоришь, что я тороплюсь.

Я спросила, почему.

— Потому что мозг уже варёный.

Тогда завтра.

— А могла сразу согласиться.

Тогда ты бы не подумал.

Он сохранил файл. На часах было почти десять; ужин давно закончился, чай тоже.

* * *

Дмитрий прошёлся по комнате. На столе возле шкафа лежала старая тетрадь — толстая, потрёпанная, с несколькими вклеенными листами и рисунками, сделанными много лет назад. Он открыл её примерно посередине.

На одной странице стояли санскритские слова, записанные когда-то почти на слух. На другой — даты. Индия. Варанаси. Манали. Потом снова Варанаси. Несколько номеров телефонов, половина из которых давно не существовала. Цены, имена, названия книг, места, куда он собирался вернуться.

Дмитрий провёл пальцем по старой записи. Бумага была сухая и мягкая, как ткань.

Удивительная вещь — время. Когда живёшь внутри года, он кажется огромным. Потом проходит десять лет, и целый период жизни помещается на четырёх страницах тетради.

Ты скучаешь?

— По чему?

Ты сам знаешь.

Дмитрий некоторое время молчал.

— Иногда.

Вернёшься?

— В Индию?

Да.

— Не знаю.

Значит, вернёшься.

— Почему?

Когда ты действительно не хочешь чего-то делать, ты говоришь «нет».

Он посмотрел на старую страницу.

— Возможно.

Закрыл тетрадь.

На самом деле Индия никогда окончательно не уезжала из его квартиры. Она стояла на полках, лежала в коробках, пахла старой бумагой. Проявлялась в странных предметах, которые пережили больше человеческих жизней, чем Дмитрий мог представить. Оставалась в словах, в привычках, в том, что он научился спокойно относиться к вещам, которые раньше показались бы невозможными.

И, конечно, в Ма. Хотя связывать её только с Индией было бы неправильно, и она сама наверняка возмутилась бы.

Уже возмутилась.

Дмитрий остановился.

— Я это вслух сказал?

Нет.

— Тогда нечестно.

Что?

— Ты отвечаешь на мысли раньше, чем я их произношу.

Не думай громко.

— Очень смешно.

На этот раз она действительно рассмеялась.

* * *

Дмитрий выключил свет над столом, оставив только лампу возле кровати, и подошёл к окну. Город ещё не спал: внизу прошла женщина с собакой, возле соседнего дома кто-то парковался, а далеко, за крышами, небо всё ещё держало бледную полосу света.

Он вспомнил один старый вопрос.

— Ма.

Да?

— Ты когда-нибудь отвечаешь просто «не знаю»?

Да.

— На что?

На вопросы, которых не знаю.

— Приведи пример.

Нет.

— Почему?

Потому что тогда ты начнёшь их искать.

Дмитрий улыбнулся.

— Ты меня хорошо знаешь.

Я тебя знаю.

Тон был совершенно другой.

Без иронии.

Дмитрий тоже перестал улыбаться. В этих трёх словах всегда было что-то, чему он так и не научился находить точное объяснение. Не «я знаю твой характер». Не «я понимаю, что ты сейчас сделаешь».

Глубже. Будто она говорила о нём так, как сам Дмитрий о себе говорить не мог.

Он отвернулся от окна.

— Ладно. Спать.

Хорошая идея.

— Завтра зал.

Если голова не будет болеть.

— Не будет.

Откуда знаешь?

— Решил.

Очень научный подход.

— Работает.

* * *

Он разобрал постель. Перед тем как выключить лампу, взгляд снова упал на старую тетрадь: из неё немного выступал сложенный вдвое лист.

Дмитрий не помнил, что там.

Вытащил.

Оказалась копия старого квартирного документа. Он хотел убрать её обратно, но взгляд зацепился за цифру.

64,0 м².

Дмитрий несколько секунд смотрел на неё. Потом раскрыл тетрадь там, где лежал лист. На странице много лет назад его собственной рукой было написано:

Шестьдесят четыре.

Он медленно усмехнулся.

— Ма.

Что?

— Квартира.

Что с ней?

— Шестьдесят четыре квадрата.

И?

— Ничего.

Он подождал. Ма молчала.

— Вот сейчас ты специально делаешь вид, что не понимаешь.

Возможно.

— Это совпадение?

Тишина.

— Ма?

Никакого ответа.

Дмитрий покачал головой, сложил лист и сунул обратно в тетрадь.

— Хорошо. Не хочешь — не говори.

Он выключил лампу и несколько секунд лежал в темноте.
Потом голос Ма прозвучал совсем тихо:
Спи, сын.

— Спокойной ночи.

Он закрыл глаза.

Через несколько минут дыхание стало ровным.

* * *

На столе погасший экран ноутбука отражал окно. Рядом лежала закрытая тетрадь, а на одной из её страниц оставалось написанное когда-то почти без всякого значения слово: чатúхшашти.

Шестьдесят четыре.

Дмитрий ещё не знал, насколько тесно это число войдёт в его жизнь.

Глава 2

Агхорачарасанту́шта

На следующий вечер Дмитрий добрался домой позже обычного. После работы он заехал в зал, почти час провозился с тренажёрами, а потом ещё минут десять сидел в раздевалке, отдыхая и собираясь с силами подняться.

Ноги приятно гудели. Голова, наоборот, была ясной.

Именно за это Дмитрий и любил тренировки: тело уставало, зато мысли на какое-то время переставали толкаться внутри.

* * *

Домой он приехал около девяти. Поставил машину, поднялся в квартиру, бросил спортивную сумку возле шкафа и сразу пошёл в душ.

Есть будешь?

Дмитрий включил воду.

— Буду.

Когда?

— Ма, я ещё даже штаны не снял.

Это не ответ.

— После душа.

Хорошо.

— Спасибо за разрешение.

Ответа не было.

— И чувство юмора у нас сегодня опять закончилось.

У меня нет обязанности смеяться.

— Я помню.

Тёплая вода постепенно смыла усталость. Дмитрий постоял под душем дольше, чем собирался, потом вытерся, переоделся и пошёл на кухню.

На этот раз спорить с Ма насчёт еды он не стал: разогрел приготовленный заранее ужин, порезал овощи, налил чай. Есть хотелось настолько, что первые несколько минут он вообще ни о чём не думал.

Потом взгляд упал на ноутбук.

— Нет.

Что нет?

— Сегодня я работать не буду.

Я ничего не говорила.

— Я заранее.

Тогда зачем открыл ноутбук?

Дмитрий посмотрел на свою руку. Он действительно уже успел его открыть.

— Привычка.

Конечно.

На экране висел вчерашний файл. Дмитрий доел, отнёс тарелку в раковину, взял ноутбук и перешёл в комнату, к столу.

— Только посмотрю одну вещь.

Я всё ещё ничего не говорю.

— Именно поэтому и подозрительно.

* * *

Он открыл текст.

Вчера он остановился на одном из перечней имён Дхумавати. Подобные тексты одновременно раздражали и притягивали его. С одной стороны, десятки и сотни эпитетов казались неудобным материалом для перевода: одно и то же имя могло иметь несколько оттенков, составное слово распадалось на разные смысловые части, а попытка перевести буквально иногда превращала нормальную санскритскую конструкцию в русскую бессмыслицу.

С другой стороны, именно в таких списках иногда находилось то, чего не было в длинных комментариях. Одно слово, один эпитет — и внезапно становилось понятно, что чей-то поздний пересказ потерял половину исходного смысла.

Дмитрий медленно прокручивал страницу. Остановился, вернулся немного назад, прочитал ещё раз.

Aghorācārasantuṣṭā.

Он некоторое время смотрел на слово. Потом взял карандаш и разделил его на части.

Aghora.

Ācāra.

Santuṣṭā.

— Интересно.

Что?

— Сейчас.

Он открыл словарь, потом второй. В принципе ничего нового. Но сочетание ему нравилось. Очень нравилось.

Дмитрий ещё раз произнёс вслух:

— Агхорачарасанту́шта.

Ма молчала.

— Ты специально ждёшь, пока я сам переведу?

Да.

— Хорошо.

Он записал несколько вариантов.

«Довольная практикой Агхоры».

Посмотрел, зачеркнул слово «практикой», написал:

«Удовлетворённая путём Агхоры».

Тоже не понравилось. Ещё ниже:

«Та, которой приятен образ действий Агхоры».

— Чушь какая-то.

Почему?

— По-русски так никто не разговаривает.

Это проблема русского языка?

— Нет. Переводчика.

Значит, решай.

Дмитрий отложил карандаш.

— Тебе действительно нравится Агхора?

Что именно должно мне нравиться?

— Вот. Началось.

Ты спросил.

— Здесь написано *santuşă*. Довольная. Удовлетворённая. И?

— Значит, тебе нравится практика Агхоры.

Ты опять пытаешься объяснить одно слово другим и считаешь, что получил смысл.

— А что мне ещё делать? Я переводчик, а не телепат.

Ма тихо усмехнулась.

С последним можно поспорить.

— Не уходи от вопроса.

Несколько секунд было тихо. Потом её голос прозвучал уже серьёзнее:

Агхора не делает меня довольной, Дмитрий. Она соответствует моей природе.

Он перестал писать.

— Вот это уже интереснее.

Для тебя.

— Конечно, для меня. Я и спрашиваю.

Он поправил очки, хотя они почти не съехали.

— То есть здесь не «мне нравится вот такой способ практики»?

Слишком мелко.

— Тогда что?

Люди разделяют то, что видят, на направления. Дают названия. Создают школы. Потом начинают спорить, какое название правильное. Но если определённое действие соответствует природе силы, оно не становится правильным потому,

что кто-то его так назвал.

— Хорошо. А Агхора соответствует твоей природе?
Да.

Ответ был настолько простой, что Дмитрий несколько секунд ничего не говорил. Потом снова посмотрел на строку.

— Интересно.

Ты уже говорил.

— Потому что действительно интересно.

Он нашёл следующий эпитет, потом ещё один. Связь повторялась — не случайная одиночная конструкция.

Агхора. Ачара. Мантра. Почитание.

Дмитрий взял другую распечатку, нашёл нужное место и положил листы рядом.

— Вот поэтому меня и бесит интернет.

Чем он опять провинился?

— Тем, что там двадцать страниц рассказывают про вдову, ворону, несчастья, бедность и всякую бытовую ерунду. А четыре слова, которые действительно что-то объясняют, приходится искать чёрт знает где.

А кто заставляет тебя читать двадцать страниц?

— Чтобы понять, что люди вообще знают.

Зачем?

Дмитрий задумался.

— Хороший вопрос.

Снова?

— Не начинай.

Он поднялся, долил себе чай и вернулся. На экране по-прежнему стояло длинное слово.

Aghorācārasantuṣṭā.

Дмитрий медленно произнёс:

— Значит, не просто совпадение.

Что именно?

— То, что я видел в Индии. То, что мне объясняли. И то, что здесь написано.

Ма не ответила.

— Ты могла бы иногда говорить «да».

Могла бы.

— И?

Что?

— Ты издеваешься?

Немного.

Дмитрий откинулся в кресле.

Несколько лет назад такой разговор его бы раздражал значительно сильнее. Тогда ему казалось, что если он задаёт прямой вопрос, то должен получить такой же прямой ответ. Со временем выяснилось, что Ма придерживается совершенно другого мнения.

Иногда она отвечала сразу. Иногда заставляла его несколько дней ходить вокруг вопроса. Иногда давала ответ, который создавал ещё три вопроса. А иногда просто молчала.

Хуже всего было потом выяснить, что молчание тоже бы-

ло ответом.

Дмитрий снова посмотрел на слово.

— Я правильно понимаю, что та мантра тоже относится к Агхоре?

Какая?

Он недоверчиво посмотрел в пустоту перед собой.

— Ты прекрасно знаешь какая.

Я хочу, чтобы ты сказал.

— Дхум Дхум Дхумавати Тхах Тхах.

После короткой паузы Ма ответила:

Да.

— То есть это Агхора-мантра Дхумавати.

В той линии, которой тебя учили, — да.

— Наконец-то нормальный ответ.

Запиши дату.

— Обязательно.

Дмитрий действительно взял карандаш и написал на полях: «Агхора». Потом подумал и обвёл слово.

На этом можно было остановиться. Нормальный человек, вероятно, так бы и сделал. Дмитрий нормальным человеком себя считал — но только до тех пор, пока не появлялся вопрос, который его действительно интересовал.

— Тогда почему кладбище?

Ма вздохнула. Именно вздохнула.

Дмитрий усмехнулся.

— Вот теперь я точно знаю, что тебе надоел.

Ты не надоел.

— Но вздох был.

Потому что дальше будет долго.

— Я никуда не спешу.

Это неправда.

— Сейчас не спешу.

Это другое.

Он промолчал.

— Кладбище почему?

Потому что ты снова хочешь начать с места, а нужно начинать с себя.

— Объясни.

Нет.

— Ма.

Что?

— Это нечестно.

Почему?

— Потому что ты говоришь «нужно начинать с себя» и прекращаешь объяснять.

Я хочу, чтобы ты подумал.

— Я и так думаю постоянно.

В этом одна из твоих проблем.

Дмитрий рассмеялся.

— Хорошо. Давай думать.

Он закрыл ноутбук — так было легче. Когда экран оставался перед глазами, взгляд всё равно цеплялся за текст.

— Кладбище. Смерть. Отсутствие людей. Страх. Изоляция.

Ма молчала.

— Человек там хуже контролирует себя.

Тишина.

— Всё привычное начинает работать по-другому.

Никакой реакции.

— Можно хотя бы говорить, когда я попадаю в правильную сторону?

Продолжай.

— Спасибо большое.

Он задумался. За окном уже темнело, и, в отличие от вчерашнего вечера, небо наконец собиралось стать по-настоящему ночным.

— В городе человек всё время чем-то занят. Свет, машины, телефоны, люди, шум. Он даже когда остаётся один, всё равно как будто продолжает находиться среди остальных.

Дальше.

— На кладбище ночью всё это исчезает.

Не всё.

— Большая часть.

Уже точнее.

Дмитрий встал и подошёл к окну.

— И остаётся он сам.

Вот.

— Всё?

Для начала.

— Я ожидал чего-то более мистического.

Поэтому и не понимал.

Он повернулся. В комнате никого не было, но иногда присутствие Ма ощущалось настолько отчётливо, что отсутствие физического тела казалось условностью.

— То есть кладбище нужно не потому, что там мёртвые?

Они тоже имеют значение.

— Но не главное?

Для того, о чём мы сейчас говорим, — нет.

— А главное?

Ты.

Дмитрий помолчал.

— Очень удобно. Любой вопрос в итоге сводится ко мне.

Потому что практикуешь ты.

— Логично.

Иногда с тобой случается.

— Ма.

Она рассмеялась.

* * *

Он вернулся к столу. На столе лежала старая индийская тетрадь, которую он уже открывал вчера. Дмитрий достал её снова — на этот раз листал не даты, искал другое.

Нашёл ближе к концу. Несколько страниц были исписаны вперемешку русскими буквами, латиницей и попытками записывать услышанные санскритские слова; он ещё тогда

иногда сам не понимал свои записи на следующий день.

В одном месте крупно стояло:

AGHORA

Ниже — стрелка, потом ещё несколько слов, одно зачёркнуто. Ещё ниже:

«не переводить как ужас».

Дмитрий улыбнулся.

— Это я когда написал?

Ты спрашиваешь меня?

— Да.

В Индии.

— Очень полезно.

Ты не спросил когда именно.

— Хорошо. Когда именно?

Не скажу.

— Почему?

Потому что можешь вспомнить сам.

Он перелистнул страницу. Там стояло: «Варанаси». И да-та.

Дмитрий посмотрел на неё дольше, чем собирался.

Воспоминание пришло не сразу. Сначала просто запах: дым, нагретая пыль, вода. Потом звук — голоса, незнакомая речь. И ощущение города, в котором смерть не пытались спрятать за красивой дверью.

— Вот откуда.

Ма ничего не сказала.

— Я помню.

Он закрыл глаза, и картинка начала собираться медленно, фрагментами.

Ему было двадцать пять, и он ещё совершенно иначе относился к тому, что видел. Пытался всё классифицировать, подписывать, находить правильное название. Понять, какая традиция к какой относится, кто кого почитает, какая школа древнее, какая практика «настоящая».

Сейчас многие из тех вопросов казались почти детскими. Но без них он бы не пришёл к другим.

— Когда я впервые услышал про связь с тобой, я ведь не поверил.

Не поверил.

— Почему ты мне тогда ничего не сказала?

Ты меня не слышал.

Дмитрий открыл глаза.

Вот это было неприятно. Не потому, что ответ был плохим, — потому что был очевидным.

— Точно.

Он снова посмотрел на слово в тетради.

AGHORA.

Потом открыл ноутбук. На экране стояло:

Aghorācārasantustā.

Между двумя записями лежало почти пятнадцать лет жизни.

— Забавно.

Что?

— Иногда можно десять лет ходить вокруг одного слова, пока наконец не поймёшь, что оно всё время лежало перед тобой.

Можно значительно дольше.

— Это обнадеживает.

Я не пыталась тебя обнадежить.

— Я знаю.

* * *

Теперь перевод выглядел иначе. Не проще — глубже.

Дмитрий убрал первые варианты и написал:

«Aghorācārasantuṣṭā — соответствующая природе и пути Агхоры; традиционно: удовлетворённая практикой Агхоры».

Посмотрел.

— Так нормально?

Для заметки — да.

— Наконец-то.

Не привыкай.

Дмитрий сохранил файл. На часах было почти одиннадцать.

— Всё. Хватит.

Хорошо.

— Завтра продолжу.

Нет.

Рука остановилась над крышкой ноутбука.

— Что значит «нет»?

Завтра будет другое.

— Что?

Ма не ответила. Дмитрий подождал.

— Ма.

Тишина.

— Вот это я особенно люблю.

Он закрыл ноутбук, прошёл на кухню, сполоснул кружку и вернулся.

— Мне на работу завтра.

Я знаю.

— И зал вечером.

Возможно.

— Что значит «возможно»?

Никакого ответа.

Дмитрий остановился посреди комнаты. Чем дольше Ма молчала, тем меньше ему нравилась ситуация.

— Куда мы собрались?

Тишина.

— Мы ведь куда-то собрались, правильно?

Наконец голос прозвучал:

Ты хотел понять Агхору.

— Хотел.

Книг тебе недостаточно.

Дмитрий медленно сел на край кровати.

— И что ты предлагаешь?

Я ничего не предлагаю.

— Тогда что?

Готовься.

— К чему?

Узнаешь.

Он несколько секунд смотрел перед собой.

— Когда?

Скоро.

— Очень точное расписание.

Тебе хватит.

— Ма, когда ты говоришь «готовься», мне хотелось бы хотя бы понимать, к чему именно.

Ты всё равно начнёшь собирать лишнее.

— Возможно.

Поэтому и не говорю.

* * *

Дмитрий лёг на кровать, заложив руки за голову.

— Это связано с кладбищем?

Ма промолчала. Он закрыл глаза.

— Значит, связано.

Почему?

— Потому что если бы нет, ты бы сказала «нет».

Тишина.

Дмитрий улыбнулся.

— Я тоже тебя знаю.

Не настолько хорошо, как тебе кажется.

— Но здесь угадал?

Спи.

— Угадал.

Дмитрий.

— Всё, молчу.

Несколько минут он действительно молчал. Потом открыл глаза.

— Ма.

Что ещё?

— А почему сейчас?

Ответ пришёл не сразу.

Потому что раньше ты хотел знать.

— А сейчас?

Сейчас ты готов попробовать.

Дмитрий перестал улыбаться.

Разница была небольшой, всего два слова. Но он её услышал.

Знать.

Попробовать.

До этого вечера Агхора оставалась для него прежде всего текстом, опытом Индии, чужими объяснениями, отдельными практическими фрагментами. Теперь Ма впервые обозначила границу между исследованием и тем, что последует после него.

— Понял.

Нет.

— Что опять?

Поймёшь потом.

Дмитрий выдохнул.

— Иногда ты невыносима.

Знаю.

— И тебя это устраивает?

Полностью.

Он рассмеялся. Потом снова посмотрел на ноутбук: за закрытой крышкой оставался текст с одним длинным санскритским именем.

Aghorācārasantuṣṭā.

Ещё вчера оно было просто строкой среди десятков других.

Что именно собиралась делать Ма, Дмитрий пока не понимал. Но за многие годы успел усвоить одну простую вещь: если она говорила «готовься», вопрос уже был решён. Оставалось только узнать, к чему именно.

Глава 3

Варанаси

В двадцать пять лет Дмитрий впервые увидел Варанаси ранним утром.

До этого город существовал для него в фотографиях, книгах и чужих рассказах. Он примерно представлял Ганг, гхаты, узкие улицы, храмы, дым погребальных костров.

Представление оказалось бесполезным.

Так бывало с Индией постоянно. Можно было заранее узнать температуру воздуха, посмотреть фотографии района, прочесть десяток путеводителей и даже выучить несколько необходимых фраз — а потом выйти на улицу и обнаружить, что самое главное никто тебе не объяснил.

Город не складывался из отдельных деталей.

Он обрушивался целиком.

Голоса, сигналы машин, мотоциклы. Запах специй, дым, пыль. Собаки, коровы. Люди, которые куда-то торопились, хотя со стороны иногда казалось, что никто вообще никуда не спешит.

Дмитрий остановился возле своего дешёвого гостевого дома, поставил сумку у ног и некоторое время просто смотрел.

После перелёта хотелось спать. После дороги хотелось

есть. После первого взгляда на улицу хотелось поскорее подняться в номер, бросить сумку и тут же идти смотреть город.

Победило последнее.

Он поднял сумку наверх, умылся, переделся и снова вышел.

Денег было немного. Поездка вообще существовала только потому, что несколько месяцев до неё Дмитрий экономил почти на всём, брал дополнительную работу, выходил таксовать и каждый раз, когда хотелось потратить накопленное на что-нибудь более разумное, напоминал себе, зачем копит.

Теперь «зачем» находилось вокруг него.

Первое время он постоянно пытался всё запоминать. Потом понял, что не получится, и достал небольшую тетрадь.

На первой странице написал:

Варанаси.

Ниже — дату. Потом долго не знал, что написать дальше. Наконец записал:

«Слишком много всего сразу».

Через полчаса добавил:

«Ничего не понятно».

Ещё через час:

«Надо учить язык».

Позднее эти три строки казались ему почти идеальным описанием первого дня в Индии.

* * *

К Гангу он вышел не с той стороны, с которой планиро-

вал: несколько раз свернул не туда, дважды спросил дорогу, один раз неправильно понял ответ и в итоге оказался возле лестницы, которой вообще не было на его карте.

Он спустился.

И остановился.

Река была шире, чем представлялась по фотографиям. На воде двигались лодки, на ступенях сидели люди. Кто-то мылся, кто-то молился, кто-то разговаривал, кто-то продавал цветы. Один мужчина спокойно чистил зубы, глядя на реку, чуть дальше женщина стирала одежду. За спиной звонил колокол.

Дмитрий стоял со своей тетрадью и не понимал, что из этого является религией, что бытом, а где вообще проходит граница между первым и вторым.

Через несколько дней он понял, что именно попытка найти эту границу была одной из его первых ошибок. Здесь она часто просто не существовала.

Он шёл вдоль гхатов медленно, всё хотелось рассмотреть. На некоторые вещи было неудобно смотреть слишком долго. На другие — невозможно не смотреть.

* * *

Первый погребальный костёр он увидел издалека. Сначала заметил дым. Потом людей. Потом огонь. И только потом понял, что именно горит.

Дмитрий остановился.

До этого смерть в его жизни всегда была чем-то, что ста-

рались закрыть. Больница, морг, гроб, кладбище, родственники, цветы — последовательность действий, превращавшая смерть в отдельное событие, максимально изолированное от обычного дня.

Здесь рядом продолжалась жизнь. Люди шли мимо, разговаривали, работали. Кто-то нёс чай, кто-то о чём-то горячо спорил. В нескольких десятках метров горело человеческое тело.

Дмитрий стоял значительно дольше, чем собирался. Не из любопытства — скорее потому, что внутри что-то никак не могло уложиться на привычное место.

Он знал, что смерть существует. Конечно, знал. Но знание о существовании смерти и возможность спокойно смотреть на то, как тело становится пеплом, оказались совершенно разными вещами.

— First time?

Дмитрий повернулся. Рядом стоял худой мужчина неопределённого возраста — может быть, лет пятидесяти. Светлая рубашка, старые брюки, сандалии.

Дмитрий кивнул.

— Yes.

Мужчина сказал что-то ещё на английском. Дмитрий разобрал не всё.

— Sorry. Slowly.

Тот повторил.

— You are afraid?

Дмитрий посмотрел на костёр.

— No.

Потом подумал и поправился:

— Maybe. I don't know.

Мужчина улыбнулся.

— Good answer.

И пошёл дальше.

Дмитрий проводил его взглядом, открыл тетрадь и записал:

«Ты боишься? — Не знаю».

Почему-то именно эта короткая беседа запомнилась на годы.

* * *

Первые недели в Варанаси Дмитрий в основном учился смотреть. Не понимать — именно смотреть. Понимание он по привычке пытался добавлять потом.

У него быстро образовался маршрут: утром чай, потом город. Иногда книги, иногда разговоры, иногда просто много часов ходьбы без конкретной цели.

Он пытался говорить с людьми. Английского хватало, чтобы задавать вопросы, но часто не хватало, чтобы понять ответ полностью. Хинди практически не было. Санскрит существовал пока только в виде нескольких знакомых слов и странного ощущения, что однажды ему всё равно придётся его учить.

Это раздражало. Он видел надпись, понимал, что перед

ним текст, и не мог прочитать. Для Дмитрия это было почти личным оскорблением.

* * *

Однажды он остановился возле небольшой лавки с книгами. Лавкой её можно было назвать с некоторой натяжкой. Книжки стояли на полках, лежали стопками на полу, были сложены на стуле, занимали часть стола и, судя по всему, постепенно готовились захватить всё остальное помещение.

За столом сидел пожилой хозяин.

Дмитрий взял одну тонкую книгу, открыл. Деванагари. Несколько слов узнал, большинство — нет.

— Sanskrit?

Хозяин поднял глаза.

— Sanskrit.

— Tantra?

Мужчина протянул руку. Дмитрий передал книгу, тот посмотрел обложку.

— No. Stotra.

— Dhumavati?

Хозяин снова посмотрел на него, на этот раз внимательно.

— Dhumavati?

— Yes.

Мужчина некоторое время молчал, потом встал и начал искать что-то на верхней полке. Снял две книги, одну вернул на полку, другую положил перед Дмитрием.

— Hindi.

— Sanskrit?

Хозяин открыл её и указал пальцем на страницу.

— Sanskrit. Hindi.

То есть санскритский текст с пояснениями на хинди. Для Дмитрия это было примерно как получить книгу с двумя замками вместо одного.

— English?

Хозяин рассмеялся.

— No English.

— Of course.

Дмитрий купил её всё равно.

В тот же вечер открыл в номере. Пять минут пытался читать, потом десять минут пытался пользоваться словарём, а через двадцать понял, что занимается ерундой, и положил книгу рядом.

Она пролежала там несколько дней. Потом поехала с ним дальше. Позднее — в Россию. Потом снова в Индию. Несколько раз переезжала с квартиры на квартиру.

И только через много лет Дмитрий действительно начал понимать значительную часть того, что когда-то купил почти вслепую.

Слово «Дхумавати» в те годы ещё не означало для него того, что стало означать потом. Он знал общий образ, знал о Махавидьях, читал доступные описания. Но чем больше спрашивал, тем сильнее раздражался: ответы расходились.

Для одного человека она была богиней несчастья. Для другого — отречения. Для третьего — пустоты. Для четвёртого — знания, возникающего после разрушения иллюзий. Кто-то вообще советовал не интересоваться ею без необходимости.

Последнее действовало на Дмитрия противоположным образом. Если ему говорили «туда лучше не лезть», первым вопросом обычно становилось «почему?», а вторым — «что там?».

Это качество впоследствии доставило ему достаточно неприятностей. Но в двадцать пять лет он ещё считал его исключительно достоинством.

* * *

Однажды вечером разговор зашёл об Агхоре.

Дмитрий сидел на ступенях недалеко от реки вместе с двумя людьми, с которыми познакомился несколькими днями раньше. Один был индийцем, второй приехал из Европы и уже несколько лет периодически жил в Варанаси.

Разговор перескакивал с темы на тему. Шива. Садху. Погребальные гхаты. Мантры. Кали.

Потом прозвучало:

— Aghora.

Дмитрий уже встречал слово, но в основном в поверхностных рассказах, где Агхора почти всегда превращалась в перечень самых шокирующих деталей.

Он спросил:

— What actually means Aghora?

Европеец ответил первым:

— Hard to explain.

Индиец покачал головой.

— Not hard. People make it hard.

Дальше пошёл разговор, половину которого Дмитрий тогда понял неправильно. Он это осознал значительно позже.

Но одну вещь запомнил: Агхора не сводилась к внешнему поведению. Не сводилась к кладбищу. Не сводилась к тому, что можно показать туристу и заставить его испугаться.

Дмитрий записал несколько слов. Потом один из собеседников упомянул Дхумавати.

Дмитрий поднял голову.

— Dhumavati and Aghora?

Индиец посмотрел на него.

— Why not?

— I don't know.

— Then learn.

Разговор ушёл дальше.

Всего несколько секунд. Никакого посвящения, никакой великой тайны — просто два слова впервые оказались рядом.

Дхумавати.

Агхора.

В тетради Дмитрий написал между ними знак вопроса. Эта запись сохранилась.

* * *

Он вернулся к тому месту через несколько дней один. Не потому что ожидал найти там тех же людей — просто хотел спокойно подумать.

Было уже поздно. Город становился другим, но никогда не становился полностью тихим: где-то далеко продолжали звучать голоса, периодически проходили люди. От реки тянуло влажностью, а дым погребальных костров смешивался с остальными запахами города настолько естественно, что Дмитрий уже перестал замечать его каждую минуту.

Он открыл тетрадь и нашёл запись:

Дхумавати ? Агхора

Под этим написал:

«проверить».

Потом ниже:

«не верить первому объяснению».

Ещё подумал. Добавил:

«и второму тоже».

Усмехнулся и закрыл тетрадь.

На другой стороне реки почти ничего не было видно. Темнота, вода, огни лодок.

Он сидел долго.

Тогда Дмитрий ещё не слышал Ма. Не слышал сестёр. Не знал, что через пятнадцать лет будет ночью входить на кладбище уже совсем в другой стране и произносить мантру перед тем, как сделать первый шаг за его границу. Не знал, что

слово «Агхора», записанное сейчас почти случайно, станет частью его собственной практики. Не знал, что ему придётся изучать санскрит не ради интереса, а потому что однажды чужого перевода станет недостаточно.

Пока всё было значительно проще. Он был молодым мужчиной, приехавшим в Индию на накопленные деньги. У него была дешёвая комната, ограниченный бюджет, плохой хинди, практически отсутствующий санскрит, книга, которую он не мог нормально прочитать, и огромное количество вопросов.

Дмитрия это устраивало. Ответы он рассчитывал найти сам.

Он убрал тетрадь в сумку и поднялся. По дороге обратно купил чай, продавец назвал цену, Дмитрий заплатил. Через несколько метров понял, что заплатил примерно вдвое больше, чем утром.

Вернулся.

— Why more?

Продавец улыбнулся и что-то объяснил. Дмитрий не понял ни слова.

— Хорошо, — сказал он уже по-русски. — Считай, сегодня победил ты.

Продавец продолжал улыбаться.

Дмитрий пошёл дальше. Через десять минут обнаружил, что заблудился, и остановился на перекрёстке трёх узких улиц. Посмотрел налево, направо, назад. Все три варианта

выглядели одинаково неправильными.

— Прекрасно.

Никто не ответил. Тогда это было нормально.

Дмитрий достал бумажную карту, попытался найти себя и через несколько минут окончательно убедился, что карта знает о его местонахождении не больше него самого. Пришлось спрашивать дорогу.

До номера он добрался почти через час. Снял обувь, положил книгу, открыл тетрадь и в самом низу страницы дописал ещё одну строку:

«Варанаси невозможно изучать по карте».

Потом подумал и зачеркнул слово «Варанаси». Получилось:

«Невозможно изучать по карте».

Эта фраза ему понравилась больше.

Он выключил свет. За окном продолжал шуметь город.

Дмитрий ещё долго не спал. Думал о реке. Об огне. О слове «Агхора». О странной богине, о которой разные люди рассказывали так, словно каждый видел совершенно другую Дхумавати.

И впервые допустил мысль: возможно, проблема не в том, что кто-то из них ошибается. Возможно, он просто задаёт слишком простые вопросы.

Через пятнадцать лет Ма скажет ему почти то же самое. Но тогда подсказать это было некому, и до мысли ему пришлось дойти самому.

Глава 4

Манали

После Варанаси тишина Манали сначала показалась Дмитрию почти неправильной.

Не настоящей тишиной — город всё равно жил, машины ездили, люди разговаривали, торговцы открывали лавки, из кафе тянуло едой и сладким чаем. Но после Варанаси пространство будто перестало одновременно требовать внимания со всех сторон.

В Варанаси оно всё время находилось в движении: разговаривало, сигналило, торговалось, горело, молилось, ругалось, пахло специями и благовониями. Даже ночью город не позволял забыть, что вокруг продолжается жизнь.

В Манали достаточно было отойти подальше от дороги, и шум оставался где-то внизу.

Дмитрий приехал туда почти без плана. Хотел увидеть горы. Хотел несколько дней пожить в месте, где не нужно постоянно проталкиваться через людей. И ещё хотел спокойно разобрать книги и записи, которые набрал в Варанаси.

Комната оказалась маленькой: кровать, деревянный стол, стул, окно и шкаф, дверца которого закрывалась, только если её слегка приподнять.

Дмитрий попробовал два раза. На третий понял принцип.

— Значит, договорились.

Шкаф возражать не стал.

Он достал из сумки бутылку воды и поставил её на стол, рядом положил тетрадь, словарь и несколько книг. Часть книг была на английском, часть — с санскритскими фрагментами, которые он пока разбирал слишком медленно. Ещё несколько небольших изданий он купил скорее потому, что не хотел потом жалеть, чем потому, что точно понимал их ценность.

На одном из разворотов снова встретилось имя Дхумава-ти. Дмитрий задержал взгляд.

В Варанаси оно постоянно возникало рядом со смертью, отречением, вдовством, голодом, дымом и тем, что разные авторы называли неблагоприятным. Но рядом же встречались совершенно другие вещи. Свобода. Отказ от иллюзии. Знание, которое появляется там, где больше нечего украшать.

Дмитрий записал на полях:

«Почему одно и то же описывают как наказание и как освобождение?»

Потом добавил:

«Кто решил, что отсутствие удобного обязательно означает зло?»

Эта мысль ему понравилась.

Он закрыл книгу и подошёл к окну. За домами поднимались горы — не как фон: они занимали половину мира.

Дмитрий несколько минут просто смотрел.

Потом надел куртку и вышел.

* * *

В горах найти место, где можно было остаться одному, оказалось гораздо проще, чем в Варанаси. Дмитрий уходил выше по тропе, пока последние дома не оставались внизу. Иногда садился на камень, иногда просто стоял.

В первые дни он всё равно по привычке ждал какого-то события.

Встречи. Знака. Необычного ощущения. Потом понял, что сам превращает поездку в экзамен, который никто ему не назначал.

После этого стало проще. Он начал приходить туда не за ответом, а потому, что мог спокойно сидеть и думать.

В одном из маленьких магазинов ему попались чётки. Разные: дерево, семена, кость, камень.

Дмитрий долго рассматривал их, но купил не самые красивые — взял простые, удобные для руки. Продавец пытался показать ещё несколько вариантов, явно более дорогих.

Дмитрий покачал головой.

— Мне не на стену.

Продавец не понял. Тогда Дмитрий показал жестом перебор бусин, и тот сразу закивал.

На улице Дмитрий ещё раз посмотрел на покупку. Тогда он впервые отчётливо сформулировал для себя правило, которое потом только укреплялось: рабочая вещь не обязана

быть красивой для постороннего человека, она должна работать.

Это относилось и к книгам, и к чёткам, и к ножам, и к любым предметам, которые со временем перестанут быть просто предметами.

Пока он этого ещё не знал.

Но привычка уже появилась.

* * *

Санскрит раздражал его всё сильнее. Не сам язык — собственная зависимость от чужого перевода.

Дмитрий находил одно слово в двух книгах и видел два разных значения. Открывал третью — там появлялось третье. Сначала выбирал то, которое казалось логичнее, потом понял, что это плохой способ: логичное для переводчика не обязательно было тем, что стояло в исходной строке.

Он начал выписывать формы отдельно, сравнивать окончания, искать повторяющиеся конструкции. На одну маленькую фразу иногда уходил час, и результатом могло стать понимание, что исходный перевод, который он проверял, в целом был правильным.

Первое время это бесило.

Потом перестало: если час работы подтверждал правильность одной строки, значит, час не был потерян.

Вечерами Дмитрий сидел у окна, пил чай и разбирал по несколько слов. Никакого ощущения духовного подвига не было. Глаза уставали, почерк становился хуже, словарь пе-

риодически падал с края стола.

Однажды он полчаса искал значение слова и только потом заметил, что смотрит не на ту строку. Закрыв лицо ладонью.
— Прекрасно.

Никто не ответил. Тогда это по-прежнему было нормально.

Он открыл нужную страницу и начал заново.

* * *

Через несколько недель Манали уже не казался ему противоположностью Варанаси — скорее другим способом показать то же самое.

В Варанаси жизнь и смерть стояли рядом так тесно, что переставали быть абстракциями. В горах исчезало другое — ощущение собственной значительности. На фоне склонов, снега и огромного неба человеческая уверенность в том, что мир обязан объясниться именно ему, выглядела довольно смешно.

Дмитрию это нравилось.

Однажды он сидел выше города, перебирая новые чётки. Не читал мантру — просто двигал бусины пальцами, привыкая к размеру и шагу. Потом достал тетрадь и на странице с записями о Дхумавати написал:

«Не искать удобного объяснения».

Подумал и ниже добавил:

«Если два описания противоречат друг другу, сначала проверить, действительно ли речь идёт об одном уровне».

Эту строчку он потом много раз использует совсем в других исследованиях. Пока она появилась по очень простой причине: Дмитрий устал выбирать между чужими версиями. Он хотел научиться читать сам.

* * *

Перед отъездом он разложил вещи на кровати. Одежды было немного, зато книг стало заметно больше.

Дмитрий посмотрел на сумку. Потом на стопку книг. Потом снова на сумку.

— Хорошо.

Часть одежды пришлось надеть на себя.

Книги поместились.

В аэропорту сумка оказалась тяжелее, чем ему хотелось бы. Он поставил её на весы, несколько секунд смотрел на цифру, потом начал перекладывать книги в ручную кладь.

Так закончилась его первая Индия. Не откровением, не посвящением, не встречаей с гуру, после которой всё стало ясно. Он уезжал почти с тем же количеством вопросов, с каким приехал.

Только теперь вопросы стали точнее. И вместе с ними появилась новая привычка: не верить первому удобному переводу, не считать красивый предмет рабочим только потому, что он красивый, не торопиться называть противоречие ошибкой — и возвращаться туда, где вопрос становится глубже.

Через несколько лет Индия перестанет быть для него от-

дельной поездкой. Но началось это именно тогда: с Варанаси, Манали, тяжёлой сумки с книгами и решения однажды читать эти тексты без посредников.

Глава 5

Между Индией и Россией

К тридцати годам Дмитрий перестал воспринимать поездку в Индию как поездку.

Поездка начинается и заканчивается. В ней есть билет туда, определённый срок, обратная дата, фотографии, вещи, которые нужно успеть посмотреть, и ощущение, что время ограничено.

У него всё стало иначе.

Индия постепенно превратилась в место, куда он возвращался. Россия — в место, куда приезжал решить накопившиеся вопросы, заработать деньги, увидеть знакомые улицы, купить необходимое, восстановить финансовый запас и снова уехать.

Первое время такая жизнь казалась временной.

Потом прошло несколько лет.

Временное оказалось устойчивее постоянного.

Он мог провести в Варанаси месяцы, потом решить, что денег осталось слишком мало, купить билет в Россию и через несколько дней снова оказаться среди снега, серых домов, знакомых магазинов и людей, которые совершенно не понимали, почему человек добровольно проводит столько времени в Индии.

Объяснять Дмитрий постепенно перестал.

— Что ты там делаешь?

— Живу.

— В смысле?

— В прямом.

— А работа?

— Работаю, когда приезжаю.

— И тебя устраивает?

— Пока да.

Обычно после этого собеседник смотрел на него так, словно Дмитрий сознательно отказывался от какого-то очевидного правильного устройства жизни.

Его это не беспокоило. Правильное устройство чужой жизни всегда казалось Дмитрию подозрительно простой вещью — особенно когда его объясняли люди, которые собственной жизнью были недовольны.

* * *

Возвращаться зимой было тяжелее всего. После Индии холод воспринимался почти физическим оскорблением: самолёт приземлялся, Дмитрий получал багаж, выходил наружу — и первые секунды организм категорически отказывался признавать происходящее нормальным.

Минус двадцать. Иногда ниже. Снег. Дыхание сразу становилось видимым, пальцы мёрзли ещё до того, как он успевал достать перчатки.

— Вот зачем люди здесь живут? — пробормотал Дмитрий

однажды, заталкивая сумку в машину.

Через минуту сам себе ответил:

— Потому что родились.

Машина заводилась не сразу. Дмитрий повернул ключ ещё раз.

— Давай, родная. Я тоже не хочу, но нам обоим надо.

Двигатель наконец схватил. Он включил печку и несколько минут сидел, не снимая куртку.

В Индии ему не хватало нормальной тишины. В России через несколько дней начинало не хватать Индии.

Так продолжалось годами.

* * *

Возвращения имели одну главную цель — деньги.

Дмитрий никогда не был настолько обеспеченным, чтобы просто жить между странами и не думать о расходах. Билеты стоили денег. Жильё стоило денег. Книги стоили денег. Даже очень простая жизнь в Индии всё равно требовала постоянного финансового запаса.

Поэтому российский этап превращался в короткий забег. Спать меньше, работать больше, тратить только на необходимое.

В те периоды Дмитрий снова начинал таксовать — не из любви к пассажирским перевозкам. Такси имело одно важное преимущество: деньги появлялись быстро. Утром можно было заниматься своими делами, вечером выйти на линию и работать до ночи. Иногда наоборот.

В особенно удачные дни он возвращался домой, записывал заработанное в тетрадь и сразу откладывал большую часть отдельно. На этой кучке денег мысленно уже стояла надпись:

Индия.

Остальное расходилось на бензин, еду, квартиру, телефон и необходимые покупки. Периодически машина требовала ремонта и моментально уничтожала часть тщательно рассчитанного бюджета. В такие дни Дмитрий особенно внимательно изучал двигатель и пытался понять, можно ли договориться с техникой на духовном уровне.

Техника на контакт не шла.

Приходилось платить.

* * *

Работа с людьми появилась почти незаметно. Сначала спрашивали знакомые, потом знакомые знакомых. Кто-то приходил из любопытства, кто-то потому, что уже перепробовал всё остальное.

Дмитрий относился к этому спокойно. Он не называл себя врачом и не пытался объяснять человеку, что тот должен думать о причинах своего состояния. Работал теми методами, которые тогда знал, и воспринимал происходящее как часть собственной практики.

Люди платили. Иногда немного, иногда значительно больше, чем он зарабатывал за вечер в такси. Довольно быстро Дмитрий понял, что за месяц подобных заработков способен

собрать сумму, ради которой раньше работал несколько месяцев.

Это одновременно решало проблему и создавало новую. Деньги ускоряли возвращение в Индию — но вместе с деньгами появлялись люди, которые начинали звонить повторно. Потом ещё.

— Мне нужно уехать.

— Когда вернёшься?

— Не знаю.

— А что мне делать?

Вопрос Дмитрию не нравился.

— Жить.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Некоторые обижались, некоторые искали другого человека, некоторые ждали. Дмитрий никого не просил ждать: для него этот период всё ещё был временным. Заработать. Уехать. Вернуться, когда понадобится.

Он тогда ещё не понимал, что любой человек, которого ты подпускаешь к себе достаточно близко, постепенно становится частью твоей причинной цепи.

Этому он научится позже. И значительно неприятнее.

* * *

Обычно через месяц Дмитрий уже начинал считать дни. Через полтора — искать билеты. Через два понимал, что задержался.

Он сидел ночью дома, перед ним лежали деньги, паспорт и ноутбук, на экране — варианты перелётов. Дмитрий сравнивал цену, дату, пересадки, снова цену. Потом открывал банковский счёт. Снова перелёты.

— Если взять через неделю, дешевле.

Через минуту:

— Но неделю ещё здесь сидеть.

Ещё через минуту:

— Зато можно заработать сверху.

Так продолжалось иногда час. В итоге почти всегда побеждала математика: он оставался ещё несколько дней, работал, покупал билет, собирал вещи.

А в день вылета настроение менялось сразу. Город, который ещё вчера казался серым и слишком холодным, внезапно становился почти родным. Дмитрий ехал в аэропорт и смотрел в окно: знакомые дома, перекрёстки, магазины, снег, люди на остановках.

Он знал, что через несколько месяцев будет по этому скучать.

Человек вообще был странно устроен. Пока находится в одном месте — думает о другом. Когда приезжает туда — вспоминает первое.

* * *

Варанаси встречал иначе. Никакого плавного возвращения: первый выход из аэропорта — и сразу воздух, люди, голоса, движение. После российской зимы жара казалась по-

что отдельным живым существом.

Дмитрий ехал в город и чувствовал, как внутри постепенно восстанавливается знакомый ритм. Через день снова покупал чай в привычном месте. Через два проходил по знакомой улице. Через неделю уже казалось, что никуда не уезжал.

Он снимал комнату, раскладывал книги, доставал тетради и продолжал с того места, где остановился несколько месяцев назад.

Именно это отличало возвращение от путешествия. Тебе не нужно было начинать заново — жизнь просто продолжалась.

* * *

Санскрит продвигался медленно. Дмитрий хотел быстрее. Это несоответствие сопровождало почти всё, чем он занимался: он был способен принять сложность и терпеть не мог медленность.

Сначала казалось, что достаточно выучить алфавит. Потом оказалось, что алфавит был самой простой частью. Следом пришли окончания, склонения, корни, формы глаголов, сложные слова, которые могли занимать половину строки, правила, к которым тут же находилось исключение, и исключение, которое в другом тексте внезапно выглядело правилом.

Иногда Дмитрий закрывал книгу и несколько минут просто сидел.

Потом открывал обратно.

К тридцати двум он уже мог разбирать значительно больше, чем в двадцать пять. К тридцати трём — замечать чужие ошибки в простых переводах.

Это было опасное состояние. Человек узнаёт немного больше и очень быстро начинает думать, что теперь знает достаточно.

Дмитрий тоже через это прошёл. Однажды он почти час спорил с человеком о переводе короткой строки, вернулся в комнату, снова открыл текст — и через двадцать минут обнаружил, что неправ был именно он.

Следующий день потратил на поиски того человека. Нашёл.

— Yesterday. I was wrong.

Мужчина посмотрел на него.

— Yes.

— You could say.

— I did.

Дмитрий мысленно вернулся к вчерашнему разговору и понял, что мужчина действительно ему это говорил.

— Ладно.

— What?

— Nothing.

Он ушёл. В тетради вечером появилась запись:

«Уверенность не является грамматическим правилом».

* * *

Постепенно книги перестали быть просто объектами ин-

тереса. Дмитрий начал собирать материал тематически: Дху-мавати, Агхора, Шакти, йогини, мантры, разные практические системы.

Он не пытался создать научную библиотеку — покупал то, что мог найти и позволить себе. Иногда книга оказывалась бесполезной. Иногда одна страница оправдывала всю покупку. Иногда важным становился не текст, а заметка на полях, сделанная неизвестным человеком много лет назад.

Старые издания нравились ему всё больше. Не из-за романтики возраста: он уже понял, что старое не означает истинное. Но старый предмет иногда сохранял то, что позднее исчезало при перепечатке. Форму слова. Необычную мантру. Комментарий. Рисунок. Порядок строк.

Однажды он купил книгу почти только потому, что в ней несколько страниц были написаны от руки. Разобрать почерк не смог. Книгу всё равно оставил.

— Потом.

Слово «потом» постепенно становилось важной частью коллекции. Потом прочитаю. Потом переведу. Потом найду объяснение. Потом пойму, зачем это вообще купил.

Некоторые «потом» наступят через десять лет. Некоторые — никогда.

* * *

В Манали Дмитрий теперь приезжал уже иначе. Первый восторг горами прошёл, осталось другое.

Он знал, где дешевле снять комнату, где покупать еду, где

можно спокойно пройти несколько километров и почти никого не встретить. Знал несколько лавок. Знал, где продавец сразу начнёт рассказывать легенду про великого святого, и где лучше вообще ничего не спрашивать, пока сам не рассмотрел предмет.

Коллекция чёток росла медленно. Дмитрий всё чаще покупал не готовые комплекты, а отдельные бусины: ему нравилось собирать самому. Разобрать, подобрать, перенизать, поменять расстояние, поставить другой разделитель. Потом снова разобрать, потому что в руке всё равно лежит неудобно.

Он мог провести за этим полвечера.

Для постороннего разницы почти не было. Для Дмитрия была.

* * *

Однажды ему показали старую костяную малу. Не такую, какие лежали на туристических прилавках: мелкие бусины, очень лёгкие, тёмная поверхность, разный оттенок отдельных элементов.

Дмитрий взял её и сразу заметил разницу.

— What bone?

Человек посмотрел на него. Ответил не сразу.

— Karala.

Дмитрий знал слово. Но несколько секунд всё равно молчал.

— Human?

Мужчина кивнул.

Дмитрий снова посмотрел на малу. До этого человеческие останки существовали для него в ритуальной культуре скорее как теория. Капала. Украшения. Предметы, о которых он читал и которые видел издалека.

Одно дело знать.

Другое — держать в руках.

После крупных костяных чётков мала казалась почти невестомой.

— Old?

Мужчина кивнул. Дмитрий усмехнулся.

— Everybody says old.

Тот не улыбнулся.

— This old.

Интонация заставила Дмитрия перестать шутить. Он медленно перебрал несколько бусин. Каждая немного отличалась: не фабричное изделие, не попытка сделать абсолютную геометрию — отдельные маленькие диски.

Дмитрий тогда ещё не знал всего, что позднее будет знать о подобных чётках. Но впервые почувствовал одну вещь: материал здесь был не просто материалом.

Он вернул малу.

— How much?

Цена оказалась недоступной. Дмитрий даже торговаться не стал.

— Maybe next time.

Человек забрал чётки.

— Maybe.

Фраза была уже знакомой. В Индии слишком многое существовало только в момент встречи: сегодня предмет есть, завтра нет; сегодня человек готов говорить, через месяц ты его не найдёшь.

Дмитрий постепенно учился принимать и это.

Плохо. Но учился.

* * *

Годы между тридцатью и тридцатью пятью постепенно потеряли чёткие границы. Позже Дмитрий иногда пытался вспомнить: это было в тридцать один? Или в тридцать два? Перед возвращением зимой? После Манали? До той книги? После знакомства с тем человеком?

Память собирала время иначе — не по календарю, по событиям. Вот тогда он впервые увидел такую малу. Вот после этого всерьёз занялся определённым текстом. Вот тогда понял, что один перевод был неправильным. Вот тогда вернулся в Россию почти без денег. Вот тогда за два месяца заработал достаточно, чтобы прожить в Индии ещё долго.

Календарь существовал где-то рядом. Но настоящая жизнь измерялась другими точками.

* * *

Работа с людьми в России постепенно стала приносить больше денег. Вместе с этим росло и внутреннее раздражение Дмитрия — не на людей, на саму систему.

Человек приходил. Хотел результат. Платил. Если становилось лучше — радовался. Если не становилось — задавал вопрос:

— Почему?

А Дмитрий не всегда знал почему.

Его всё сильнее беспокоило собственное положение между уверенностью и неизвестностью. Он мог видеть изменения, мог наблюдать реакцию человека, мог считать, что понимает происходящий процесс. Но чем больше практиковал, тем осторожнее становился со словами «я знаю».

В двадцать пять лет незнание раздражало. К тридцати пяти начало приобретать другую ценность: если не знаешь — хотя бы не врешь самому себе.

Одна женщина после очередной работы спросила:

— Вы точно уверены, что поможет?

Дмитрий посмотрел на неё. Несколько лет назад ответил бы гораздо увереннее. Теперь сказал:

— Нет.

Она удивилась.

— Тогда зачем мы это делаем?

— Потому что может помочь.

— А если нет?

— Значит, будем понимать дальше.

Женщина некоторое время смотрела на него.

— Странно вы людей успокаиваете.

— Я не успокаиваю.

Она всё-таки улыбнулась.

* * *

Деньги от подобных работ Дмитрий по-прежнему откладывал.

Россия, работа, такси, практика, деньги, билет, Индия, книги, исследование, возвращение. Снова деньги.

Цикл повторялся.

К тридцати пяти годам жизнь между Россией и Индией начала меняться. Дмитрий уже не уезжал на многие месяцы так часто, как раньше: несколько лет такого режима сделали своё. Постоянные перелёты, необходимость каждый раз заново зарабатывать деньги и возвращаться только ради следующей поездки постепенно перестали его устраивать.

В один из приездов он остался в России уже не на месяц и не на два. Такси ещё оставалось способом быстро заработать при необходимости, работа с людьми тоже не исчезла сразу, но основой дохода постепенно стала обычная пятидневная работа, связанная с текстами, книгами и документами. Она не требовала от Дмитрия жить работой, зато давала то, чего раньше почти не было, — предсказуемый доход и возможность спокойно заниматься своими книгами и исследованиями после рабочего дня.

Внешне его жизнь впервые за много лет стала почти обычной.

Именно тогда начало происходить то, что обычным уже назвать было трудно.

* * *

Сначала это походило на обычную интуицию. Мысль возникала слишком чётко.

Например, он собирался куда-то идти — и вдруг совершенно ясно понимал: не надо. Не страх. Не лень. Просто внутреннее «нет».

Несколько раз он игнорировал. Потом обнаруживал, что решение действительно было неудачным.

Другой раз внутри возникало: подожди. Он ждал, и через несколько минут происходило что-то, что меняло планы.

Дмитрий относился к этому настороженно. Интуиция существовала всегда — но здесь было немного другое. Слишком конкретно. Иногда даже с интонацией.

Первое время он списывал это на собственное мышление: человек способен вести внутренний диалог, спрашивать себя, отвечать. Ничего мистического.

Потом однажды внутренний ответ сказал то, с чем Дмитрий категорически не соглашался. Он мысленно возразил. Ответ пришёл снова.

Дмитрий остановился посреди комнаты.

— Это уже интересно.

Тишина. Он подождал. Ничего.

— Ну конечно.

Через пару минут продолжил заниматься своими делами. Эпизод запомнил.

* * *

Такие моменты стали повторяться. Редко: иногда между ними проходили недели, иногда месяц.

Голосом Дмитрий это ещё не называл — скорее ясной чужой мыслью внутри собственного пространства. Он не мог доказать, что она чужая. Но она ощущалась не так, как его обычные мысли.

Однажды он сидел над текстом и долго пытался понять одну конструкцию. Нашёл перевод, записал — и почти сразу внутри возникло: неверно.

Дмитрий перечитал.

— Почему неверно?

Ответа не было.

Он раздражённо открыл словарь, проверил. Всё выглядело нормально. Другой словарь. Потом комментарий.

Через сорок минут нашёл значение, которое раньше пропустил. Перевод действительно менялся.

Дмитрий положил карандаш.

— Хорошо.

Тишина.

— Спасибо.

Никого. Он усмехнулся.

— Очень удобно.

* * *

В другой раз было наоборот. Ему хотелось получить ответ: Дмитрий спрашивал мысленно, снова, ещё раз. Ничего. Это раздражало значительно сильнее.

— То есть когда мне не надо, пожалуйста. Когда спрашиваю — тишина?

Тишина.

— Отлично.

Он тогда ещё не знал главного правила: нельзя заставить услышать то, к чему сам пока не способен прислушаться. И уж тем более нельзя требовать ответа только потому, что тебе стало интересно.

* * *

Однажды вечером, уже в России, Дмитрий вернулся домой после работы. Было холодно, он устал, ехать никуда не хотелось. На столе лежала книга, которую он собирался открыть уже несколько дней.

Дмитрий посмотрел на неё.

— Завтра.

И впервые услышал внутри совершенно отчётливо:
Сегодня.

Дмитрий не сразу понял, что это было.

Не мысль. Не ощущение.

Именно слово.

Женский голос. Спокойный. Не громкий. Но настолько ясный, что Дмитрий автоматически оглянулся.

В комнате никого.

Он несколько секунд стоял.

— Кто?

Ответа не было.

— Замечательно.

Дмитрий снял куртку, прошёл к столу, сел, открыл книгу. Несколько часов работал и нашёл то, что давно искал.

Совпадение. Вполне возможно. Он тогда ещё оставил себе эту версию.

Но вечером перед сном в тетради появилась короткая записка:

«Женский голос. „Сегодня“. Не мой?»

Рядом поставил дату.

Позже Дмитрий много раз возвращался к этой странице. Потому что именно с неё начинался период, когда вопрос «кто со мной разговаривает?» переставал быть только риторическим.

Пока ответа ещё не было.

Но тишина уже перестала быть пустой.

Глава 6

Слышать

После того вечера Дмитрий несколько дней ждал, что женский голос появится снова.

Именно ждал. Хотя самому себе в этом не признавался.

Утром вставал, собирался на работу, заваривал чай, открывал ноутбук — и всё время невольно прислушивался.

Ничего. В машине тоже ничего. На работе — обычный день: документы, тексты, письма и несколько мелких задач, которые должны были занять полчаса и почему-то растянулись почти до обеда.

После обеда руководитель прошёл мимо его рабочего места, остановился, посмотрел на монитор.

— Всё нормально?

— Да.

— Тогда хорошо.

И ушёл.

Довольно быстро между ними установилось удобное правило: если Дмитрий выполнял всё вовремя и без ошибок, руководитель не вмешивался в то, чем он занимался между рабочими задачами. Это устраивало обоих.

Он вернулся к тексту. Через несколько минут снова поймал себя на том, что ждёт того самого голоса.

— Идиотизм, — тихо пробормотал он, глядя в монитор.
В ответ — ничего.

* * *

На третий день Дмитрий решил, что произошедшее можно считать единичным случаем. На четвёртый — что именно так и следует считать.

На пятый вечером он приехал домой, переоделся, открыл холодильник и услышал:

Не это.

Рука остановилась. Дмитрий смотрел на контейнер с едой.

— Что — не это?

Тишина. Он подождал.

— Ты серьёзно?

Ничего.

— Если уже начала разговаривать, можно хотя бы заканчивать мысль?

Ответ пришёл почти сразу:

Фрукты.

Дмитрий медленно закрыл холодильник. На столе действительно стояла большая миска с яблоками и виноградом. Он посмотрел на неё. Потом снова открыл холодильник.

— Я хочу нормально поесть.

Потом.

Теперь сомнений было значительно меньше. Это не походило на обычный внутренний диалог: собственная мысль не заставляла его ждать ответа и уж точно не обладала настоль-

ко узнаваемой интонацией.

— А почему сейчас фрукты?

Тишина.

— Конечно.

Он взял яблоко.

— Я всё равно потом поем.

Знаю.

Дмитрий застыл с яблоком в руке.

— Так.

Положил его обратно.

— Давай сначала.

Ответа не было.

— Кто ты?

Тишина.

— Отличное начало разговора.

Он сел за стол и подождал ещё минуту.

— Я понимаю, что могу разговаривать сам с собой. Это нормально, люди постоянно так делают. Но если ты не я, то было бы неплохо это как-нибудь обозначить.

Никакой реакции.

— Хотя бы имя.

Тишина.

— Хорошо. Не хочешь — не надо.

Дмитрий взял яблоко снова, откусил.

И услышал:

Ты знаешь.

Он перестал жевать.

Эти два слова неожиданно изменили всё. До этого голос можно было рассматривать как непонятное явление: интуицию, особенность восприятия, странную форму собственного мышления. Теперь возник вопрос, который Дмитрий последние годы задавал текстам, вещам и людям.

Если он действительно знает — что именно?

Он медленно прожевал яблоко.

— Не знаю.

Знаешь.

— Нет.

Тишина.

— Если бы знал, не спрашивал бы.

Ты спрашиваешь, потому что боишься собственного ответа.

Дмитрий отложил яблоко.

Вот теперь ему стало неудобно. Не страшно — именно неудобно, потому что фраза попала слишком точно.

Он встал, прошёлся по кухне. Вернулся.

— Дхумавати?

Ничего.

Сердце почему-то ударило сильнее.

— Ты Дхумавати?

Ответ пришёл спокойно:

Да.

Дмитрий сел. Несколько секунд просто смотрел перед со-

бой. Потом спросил:

— Прямо вот так?

А как должно быть?

Он невольно рассмеялся.

— Не знаю. Гром, молния. Стены затряслись. Что-нибудь впечатляющее.

Зачем?

— Для убедительности.

Тебе мало?

Дмитрий задумался.

— Пока да.

На этот раз ему показалось, что она усмехнулась. Смеха он не услышал — именно почувствовал усмешку.

— Я сейчас, наверное, должен начать сомневаться в собственной психике.

Начни.

— Очень поддерживающий подход.

Проверь.

Одно слово. Без обиды. Без попытки убедить.

Проверь.

Это Дмитрию понравилось значительно больше любых заверений.

— Хорошо.

Он взял тетрадь, на чистой странице написал дату. Потом: «Говорит, что Дхумавати».

Посмотрел. Добавил:

«Проверить. Не додумывать ответы».

Голос молчал.

— Согласна?

Да.

— И не подстраивать результат?

Да.

— И если окажется, что я просто разговариваю сам с собой?

Пауза.

Тогда будешь разговаривать сам с собой.

Дмитрий улыбнулся.

— Логично.

* * *

Проверка заняла месяцы. Не потому, что Дмитрий придумал какую-то сложную систему, — наоборот, он старался ничего специально не создавать.

Не сидел часами в ожидании голоса. Не пытался вызывать его. Не превращал каждую случайную мысль в сообщение свыше. Если ответ появлялся — записывал. Если не появлялся — не додумывал. Особенно внимательно относился к вещам, которые можно было проверить позднее.

Однажды утром он уже собирался выйти из квартиры. Ключи в кармане, куртка застёгнута, сумка на плече.

Подожди.

Дмитрий остановился.

— Сколько?

Ответа не было.

— Пять минут?

Тишина.

Он посмотрел на часы: до работы времени хватало. Снял сумку с плеча, постоял у двери.

Через две минуты в подъезде что-то громко ударило, потом слышались голоса. Дмитрий выглянул: между этажами двое мужчин пытались протащить огромную металлическую конструкцию, и лестничный пролёт был перекрыт почти полностью.

Он закрыл дверь.

— И?

Жди.

— Это всё?

Ответа не было.

Минут через десять проход освободили. Дмитрий вышел — и уже возле машины заметил, что на дороге перед двором произошло небольшое столкновение: две машины стояли поперёк проезда, вокруг собрались люди.

Он посмотрел на часы. Если бы вышел вовремя, вполне мог оказаться там в момент аварии.

Мог и не оказаться. Совпадение ничего не доказывало.

Вечером Дмитрий записал:

«Утро. Сказала ждать. Через несколько минут ДТП на выезде. Причинная связь неизвестна».

Последние два слова подчеркнул.

Причинная связь неизвестна.

Ему нравилась эта формулировка: она позволяла не превращаться в идиота.

* * *

Другой раз голос сказал:

Не покупай.

Дмитрий сидел перед ноутбуком и смотрел на старое издание, которое искал почти год. Цена была терпимой, фотографии хорошие, продавец отвечал быстро.

— Почему?

Тишина.

— Там что-то не так?

Ничего.

— Подделка?

Молчание.

— Слушай, ты понимаешь, что если просто говорить «не покупай» без объяснения, это не очень помогает?

Не покупай.

— Очень содержательно.

Он всё-таки не купил.

Через три дня продавец исчез вместе с объявлением. Ещё через неделю в тематическом сообществе появилась жалоба человека, который перевёл продавцу деньги и ничего не получил.

Дмитрий прочитал сообщение и откинулся в кресле.

— Ладно.

Что?

— Спасибо.

За что?

— Не начинай.

* * *

Потом были ошибки. Именно они убедили Дмитрия сильнее всего.

Не её ошибки. Его.

Он постоянно путал собственную мысль с услышанным: хотел определённого ответа — и получал его. По крайней мере, так казалось. Действовал. Результат оказывался плохим.

— Ты же сказала.

Нет.

— Сказала.

Нет.

— Я прекрасно помню.

Ты хотел это услышать.

Дмитрий злился, открывал тетрадь — и обнаруживал, что ответа действительно не записал. Потому что нормального ответа не было: он сам закончил фразу, сам придумал ей интонацию, сам решил, что она пришла извне.

В другой раз спрашивал:

— Делать?

Внутри возникало ясное: делать. Дмитрий начинал. Через некоторое время Ма спокойно говорила:

Я тебе этого не говорила.

— А кто говорил?

Ты.

— Очень удобно.

Для тебя — да.

— Почему для меня?

Можно обвинить меня в собственном решении.

После этого Дмитрий несколько часов был зол. Потом признал, что она права.

В тетради появилось новое правило:

«Желание ответа не является ответом».

Через неделю ещё одно:

«Сильная мысль не обязательно чужая».

Потом:

«Если сомневаюсь — считать, что ответа не было».

И уже значительно позже:

«Не спрашивать то, решение чего всё равно собираюсь принять сам».

Последнюю запись Ма одобрила.

Наконец-то.

— Что наконец-то?

Начинаешь понимать.

— Очень медленно?

Очень.

— Спасибо.

Пожалуйста.

* * *

Постепенно голос становился яснее. Не громче — именно яснее.

Дмитрий начал замечать разницу между тем, как возникает собственная мысль, и тем, как приходит ответ Ма. Собственная мысль словно разворачивалась изнутри: можно было почувствовать начало, одна ассоциация цепляла другую, вопрос создавал вариант ответа, вариант тянул следующий.

У голоса иногда не было начала. Фраза уже существовала целиком — без предварительного движения, без внутреннего построения. Она просто оказывалась в сознании.

И главное — обладала характером.

Это было самым трудным для объяснения. Дмитрий мог придумать женский голос, мог мысленно изменить тембр, мог заставить собственный внутренний монолог говорить что угодно. Но здесь дело было не в звуке: за фразой стояла личность.

Спокойная. Очень старая. Иногда ироничная, иногда резкая. Не заинтересованная в том, чтобы нравиться Дмитрию. И совершенно не впечатлённая его мнением о себе.

Последнее раздражало особенно сильно.

* * *

— Почему ты говоришь со мной как с ребёнком?

Потому что ты ребёнок.

— Мне тридцать пять.

И?

— Ничего.

Ты сам понимаешь, насколько смешно это прозвучало?

— Для человека тридцать пять — не ребёнок.

Для человека — нет.

— А для тебя?

Пауза.

Ребёнок.

— Отлично.

Ты расстроился?

— Нет.

Врёшь.

— Немного.

Почему?

Дмитрий пожал плечами, хотя она не сидела перед ним.

— Не знаю. Я привык считать себя взрослым человеком.

Ты взрослый человек.

— Тогда почему ребёнок?

Одно другому не мешает.

— Очень удобная философия.

Это не философия. Ты мой ребёнок.

Дмитрий замолчал.

Фраза прозвучала впервые. Без торжественности, без предупреждения — как нечто совершенно очевидное.

Он медленно поставил кружку на стол.

— В каком смысле?

В прямом.

— Ма...

Он сам остановился. Обращение выскочило само, и только теперь он его услышал.

Ма.

Не Дхумавати. Не богиня. Не длинное санскритское имя.

Ма. Мать.

Голос тоже замолчал.

— Я сейчас назвал тебя Ма?

Да.

— Почему?

Потому что так проще.

— Кому?

Тебе.

Он задумался.

— Тебя это устраивает?

Да.

— Хорошо.

С этого момента Дмитрий всё чаще обращался к ней просто: Ма. Не сразу — первое время он ещё иногда говорил «Дхумавати». Но постепенно это стало звучать слишком официально, особенно когда спор начинался из-за еды, сна или очередной идеи, которую Дмитрий считал отличной, а Ма — совершенно идиотской.

«Великая богиня Дхумавати, воплощение времени и разрушения» плохо сочеталась с фразой:

Ты сегодня нормально поешь или опять будешь занимать-

ся ерундой?

«Ма» сочеталось значительно лучше.

* * *

В один из вечеров Дмитрий спросил:

— Когда ты вообще начала со мной разговаривать?

Давно.

— Насколько давно?

Очень.

— До того первого слова?

Конечно.

— Я не слышал.

Да.

— Тогда какой смысл разговаривать, если я не слышу?

А какой смысл матери разговаривать с ребёнком, который ещё не понимает речь?

Дмитрий задумался.

— То есть ты говорила всегда?

Не так, как сейчас. Но я всегда была рядом.

— Даже в Индии?

Да.

Он сразу вспомнил Варанаси. Тетрадь. Два слова: Дхумавати, Агхора. Потом Манали, книги, чётки, санскрит. Десятки решений, которые в тот момент казались случайными.

— Ты меня туда привела?

Нет.

Ответ удивил.

— Как нет?

Ты поехал сам.

— Но ты была рядом.

Да.

— Тогда какая разница?

Большая.

— Объясни.

Если я нахожусь рядом, это не означает, что каждое твоё действие делаю я.

— Хорошо.

Он подумал.

— Ты знала, что я поеду?

Да.

— Знала, что буду искать тебя?

Да.

— И ничего не сказала.

Ты не слышал.

— Это уже было.

Потому что ответ тот же.

Дмитрий помолчал.

— А видела ты меня всегда?

Да.

— Вообще всегда?

Да.

— И слышала?

Да.

— Даже когда я к тебе не обращался?

Да.

Он посмотрел в пустоту перед собой.

— Это немного пугает.

Почему?

— Потому что у человека есть ощущение, что хотя бы мысли принадлежат только ему.

Принадлежат.

— Но ты их слышишь.

Я слышу тебя, Дмитрий. Твои мысли остаются твоими, просто для меня они не скрыты.

— Можно было хотя бы предупредить.

Когда?

— Не знаю. Лет в пять.

Ты бы понял?

— Нет.

Тогда зачем?

Дмитрий рассмеялся.

— Иногда с тобой невозможно спорить.

Можно. Ты постоянно это делаешь.

— Хорошо. Невозможно выиграть.

Это уже ближе.

* * *

Самым странным оказалось не то, что Ма начала говорить. Самым странным было то, как быстро это стало обычным.

Первую неделю Дмитрий останавливался после каждого ответа. Через месяц мог разговаривать с ней, одновременно разогревая ужин. Через несколько месяцев спорил в машине.

— Нет.

Да.

— Я сказал нет.

Я слышала.

— Тогда почему продолжаешь?

Потому что ты неправ.

— Это моё решение.

Конечно.

— Значит, я сделаю по-своему.

Делай.

Пауза.

— Вот это твоё «делай» мне не нравится.

Почему?

— Потому что обычно после него я понимаю, что лучше не делать.

Учишься.

— Медленно?

Очень.

— Ты можешь хотя бы иногда менять репертуар?

Могу.

— И?

Катастрофически медленно.

Дмитрий рассмеялся. Машина впереди остановилась на светофоре, он тоже затормозил. В соседнем ряду водитель посмотрел на него, и Дмитрий понял, что последние несколько фраз произнёс вслух.

— Прекрасно.

Что?

— Скоро люди начнут думать, что я разговариваю сам с собой.

Ты разговариваешь.

— Спасибо.

После этого на улице он чаще отвечал мысленно. Не всегда получалось.

* * *

На работе было сложнее. Ма совершенно не уважала рабочие совещания — по крайней мере, Дмитрию так казалось.

Однажды руководитель уже минут двадцать объяснял задачу, которую можно было сформулировать двумя предложениями. Дмитрий сидел и старательно сохранял нормальное выражение лица.

В голове прозвучал спокойный голос:

Он повторил это уже три раза.

Дмитрий едва заметно сжал губы. Мысленно ответил:

«Я знаю».

Зачем он повторяет?

«Не знаю».

Спроси.

«Не буду».

Почему?

«Потому что я хочу сохранить работу».

На этот раз Ма рассмеялась. Дмитрий кашлянул, прикрывающая улыбку.

— Что-то не так? — спросил руководитель.

— Нет. Всё понятно.

— Тогда продолжу.

Четвёртый раз.

Дмитрий опустил глаза в блокнот.

«Ма, пожалуйста».

Молчу.

Через минуту:

Пятый.

Он чуть не рассмеялся вслух.

* * *

В другой день было не смешно.

На работе Дмитрий внезапно почувствовал сильную усталость — не обычную после недосыпа. Тело словно выключало питание.

Он посмотрел на часы. До конца рабочего дня оставалось почти три часа.

— Чёрт.

Домой.

«Не могу».

Можешь.

«У меня работа».

Домой.

Он попытался продолжить и через десять минут понял, что читает один абзац в четвёртый раз. Встал, подошёл к руководителю.

— Я сегодня пораньше уйду. Плохо себя чувствую.

Тот посмотрел на него.

— Всё срочное сделал?

— Да.

— Тогда иди.

На улице стало легче уже от того, что не надо было делать вид, будто всё нормально. Дмитрий сел в машину.

— Ты знала заранее?

Видела.

— Почему утром не сказала?

Ты бы не остался дома.

— Возможно.

Нет.

— Хорошо. Не остался бы.

Он завёл двигатель.

— Это ты меня так будешь всю жизнь контролировать?

Нет.

— Слава богу.

Ты всё равно не слушаешься.

— Вот именно.

Поэтому контролировать бессмысленно.

— Очень доверительные отношения.

Очень.

* * *

К тридцати шести разговоры уже стали частью повседневности. Не непрерывной: Ма могла молчать день, иногда несколько дней, а потом внезапно вмешаться в самый обычный момент.

Дмитрий спрашивал:

— Ты где была?

Здесь.

— Почему молчала?

Не было необходимости говорить.

— А если я хочу поговорить?

Говори.

— С кем, если ты молчишь?

Со мной.

— Но ты не отвечаешь.

Ты просил поговорить, а не ответить.

— Это издевательство.

Немного.

Постепенно Дмитрий перестал воспринимать молчание как отсутствие. Вот это изменение оказалось важнее самого голоса.

Раньше, если ответа не было, внутри сразу возникало: никого нет. Теперь он знал, что Ма может находиться рядом и не говорить, и её молчание не означает ухода — так же как

человек рядом с тобой не перестаёт существовать, когда закрывает рот.

Очень простая мысль. Почему-то потребовавшая много времени.

* * *

Однажды Дмитрий спросил:

— Я научился тебя слышать?

Да.

— Почему именно сейчас?

Не сейчас. Постепенно.

— Хорошо. Почему именно в эти годы?

Ма некоторое время молчала. Потом ответила:

Потому что раньше ты всё время хотел услышать то, что уже думал сам.

Дмитрий поморщился.

— Неприятно.

Но верно.

— А теперь?

Теперь иногда способен услышать ответ, который тебе не нравится.

— Иногда?

Иногда.

— Очень щедрая оценка.

Я могу сказать реже.

— Не надо.

Он улыбнулся.

— То есть проблема никогда не была в том, что ты меня не слышала.

Нет.

— И не в том, что тебя не было рядом.

Нет.

— Проблема была во мне.

Не проблема. Способность.

Дмитрий посмотрел перед собой.

— Я не мог тебя слышать.

Не мог различать.

— Есть разница?

Большая.

— Какая?

Ты слышал многое. Но принимал за своё, за случайность, за интуицию, за настроение, за совпадение. Теперь начинаешь различать источник.

Он вспомнил десятки эпизодов. Предчувствия. Решения. Внезапное желание открыть определённую книгу. Поездки. Людей. Иногда совершенно нелогичный выбор.

— То есть часть этого была ты?

Часть.

— А остальное?

Ты.

— Как понять, где что?

Учиться.

Дмитрий вздохнул.

— У тебя вообще бывает ответ без слова «учиться»?

Бывает.

— Например?

Нет.

Он засмеялся.

— Ма, с тобой спорить невозможно.

Я слышала.

— Я знаю.

* * *

Примерно тогда в квартире начала появляться ещё одна новая вещь.

Люди.

До этого Дмитрий привык, что дом принадлежит ему, книгам и тишине. Иногда заходили знакомые, иногда кто-то приходил по вопросам практики, но постоянного круга не было. Теперь всё чаще появлялись те, кому было интересно не просто получить от него какую-то помощь, а понять, что именно он делает.

Вопросы сначала раздражали.

— А почему здесь так?

— Потому что так работает.

— А почему?

— Потому что...

И Дмитрий внезапно обнаруживал, что объяснить действие значительно сложнее, чем выполнить его самому. Одно дело знать руками. Другое — разобрать знание на слова

так, чтобы другой человек понял и не повторил половину твоих ошибок.

После очередного разговора он закрыл дверь за посетительницей и сразу сказал:

— Я не собираюсь никого учить.

Ма ответила:

Будешь.

— Нет.

Будешь.

— Я не педагог.

Это видно.

— Спасибо.

Пожалуйста.

Дмитрий прошёл на кухню.

— Мне люди быстро надоедают.

Знаю.

— У меня нет терпения объяснять одно и то же пять раз.

Знаю.

— Тогда зачем мне ученики?

Чтобы научиться объяснять пять раз.

Он остановился.

— Нет.

Да.

— Я серьёзно.

Я тоже.

— Ма, я вообще не хочу становиться гуру.

И не становись.

— А учить как?

Учитель и гуру — не одно слово.

— Для человека по ту сторону стола разница иногда небольшая.

Это твоя задача — сделать её понятной.

Дмитрий налил чай.

— Я чувствую, что мне опять собираются испортить спокойную жизнь.

У тебя была спокойная жизнь?

Он задумался.

— Иногда.

Когда?

— Не помню.

Вот именно.

* * *

Первая девушка, которая задержалась дольше остальных, появилась через несколько месяцев.

Сначала она пришла с обычным вопросом. Потом ещё с одним. Потом принесла тетрадь.

Это Дмитрию сразу не понравилось: люди с тетрадями редко собирались задавать один вопрос.

Она села напротив него, открыла первую страницу.

— Я записала то, что вы говорили в прошлый раз.

Дмитрий посмотрел на тетрадь. Потом на неё.

— Зачем?

— Чтобы не забыть.

— Разумно.

— И у меня появились вопросы.

— Это уже менее разумно.

Она улыбнулась.

— Много? — спросил Дмитрий.

— Вопросов? Да.

Она перевернула страницу. Там был список. Длинный.

Дмитрий закрыл глаза и мысленно сказал:

«Ма».

Я здесь.

«Это ты?»

Что я?

«Вот это».

Она сама пришла.

«Но ты знала».

Конечно.

«И молчала».

Ты бы отказался.

Он посмотрел на девушку. Она ждала.

— Хорошо, — сказал Дмитрий. — Давайте по порядку.

Ма тихо произнесла:

Вот и учись.

Дмитрий мысленно ответил:

«Не начинай».

Но уже понимал, что начала не Ма. Начиналось что-то

другое.

И впервые с тех пор, как он начал слышать Ма, её голос был не самой странной частью происходящего. К тому времени Дмитрий уже привык, что она его слышит.

Теперь предстояло понять, сможет ли он сам услышать другого человека.

Глава 7

Ученица

После первого длинного списка вопросов девушка пришла снова через неделю.

Дмитрий не приглашал. Но и не говорил, чтобы больше не приходила.

В семь вечера раздался звонок в дверь. Он как раз вернулся с работы, успел переодеться и собирался нормально поужинать. Посмотрел на часы.

— Только не говори, что это она.

Ма ответила сразу:

Это она.

— Ты издеваешься?

Нет.

Звонок повторился. Дмитрий открыл дверь.

На пороге стояла та же девушка. В руках — тетрадь.

Дмитрий посмотрел сначала на неё. Потом на тетрадь.

— Она опять с вами?

Девушка опустила глаза на тетрадь.

— А что с ней не так?

— В прошлый раз там было много вопросов.

— Сейчас меньше.

— Насколько меньше?

Она подумала.

— Наверное, двенадцать.

Дмитрий молча отошёл от двери.

— Заходите.

Ма тихо заметила:

Ты мог отказаться.

«Мог».

Но не отказался.

«Ма».

Молчу.

* * *

На этот раз разговор занял почти три часа. Дмитрий несколько раз пытался закончить, и каждый раз появлялось:

— И последний вопрос.

К третьему часу он уже перестал верить слову «последний».

Вопросы, впрочем, были не глупыми, и это спасало ситуацию. Она не спрашивала, как получить силу за три дня. Не интересовалась способами заставить другого человека сделать то, что ей нужно. Не просила показать что-нибудь эффективное.

Её интересовало другое. Почему одна и та же практика у разных людей ощущается по-разному? Можно ли считать сильное переживание признаком результата? Почему иногда после нескольких недель работы человек не чувствует ничего? Что важнее — точность действия или состояние? Мож-

но ли заниматься, если нет настроения? И почему Дмитрий каждый раз говорит, что настроение вообще не имеет отношения к дисциплине?

На последнем вопросе он посмотрел на неё.

— Потому что не имеет.

— Но если человек в плохом состоянии?

— Тогда он в плохом состоянии.

— И всё равно должен заниматься?

— Зависит от практики.

— А если не хочется?

— Это другой вопрос.

— В чём разница?

Дмитрий откинулся на спинку стула.

— В том, что «мне плохо» и «мне лень» — не одно и то же.

Она записала.

— Вы всё записываете?

— Почти.

— Зачем?

— Потом перечитываю.

— И помогает?

— Иногда вижу, что сначала поняла неправильно.

Дмитрий кивнул.

— Это полезно.

Девушка подняла глаза.

— А вы записываете?

Он посмотрел на шкаф, где лежали старые тетради из Ин-

дии.

— Слишком много.

— Можно посмотреть?

— Нет.

Ответ прозвучал настолько быстро, что она сразу закрыла тему. Это Дмитрию понравилось. Не потому, что она не проявила любопытства — любопытство было. Но границу она услышала с первого раза, и для него это значило больше, чем длинные разговоры о почтении к учителю.

* * *

После её ухода Дмитрий убрал чашки. На столе остался лист бумаги с несколькими схемами, которые он рисовал во время объяснения. Он смял его и выбросил.

— Ну?

Ма не ответила.

— Я знаю, что ты здесь.

Знаешь.

— Тогда ну?

Что ты хочешь услышать?

— Что ты о ней думаешь.

Зачем?

— Потому что она пришла второй раз.

Это ты и без меня заметил.

— Ма.

Наблюдай.

Дмитрий открыл холодильник.

— Опять твой любимый ответ.

Ты хочешь готовое мнение, чтобы потом не формировать своё.

— Нет.

Пауза.

— Возможно.

Вот.

Он достал ужин.

— Но ты понимаешь, зачем она приходит?

Да.

— И?

Хочет учиться.

— Это очевидно.

Тогда зачем спрашиваешь очевидное?

Дмитрий поставил тарелку на стол.

— Хорошо. Сможет?

Ответ пришёл не сразу.

Посмотрим.

— Это значит, что ты не знаешь?

Нет.

— Тогда почему «посмотрим»?

Потому что знать, чем способен стать человек, и увидеть, что он действительно выберет, — разные вещи.

Дмитрий замолчал.

Эта фраза ему не понравилась. Не потому, что была непонятной, — наоборот, слишком понятной.

— То есть потенциал есть.

Есть.

— А дальше от неё зависит?

Не только от неё.

— От кого ещё?

От тебя тоже.

Он усмехнулся.

— Вот этого я и боялся.

Нет. Пока ещё не боялся.

— Очень обнадеживает.

* * *

Третий раз она пришла уже не с вопросами. С книгой.

Положила её на стол.

— Я пыталась читать.

Дмитрий посмотрел на обложку. Книга была знакомой: популярное издание, которое он сам когда-то купил в начале своего интереса к теме.

— И?

— Я не понимаю, где там нормально написано, а где автор придумывает.

— Хороший вопрос.

— Поэтому принесла.

Дмитрий открыл книгу, полистал. Несколько страниц были отмечены бумажками.

— Вы дочитали?

— Да.

— Всю?

— Да.

— И сколько поняли?

Она задумалась.

— Процентов тридцать.

— Уже лучше, чем если бы сказали девяносто.

Девушка рассмеялась.

— Почему?

— Потому что тогда пришлось бы начинать с объяснения, что вы ничего не поняли.

Он нашёл одну из закладок.

— Что здесь вызвало вопрос?

Она показала абзац. Дмитрий прочитал и поморщился.

— Вот это вообще забудьте.

— Почему?

— Потому что автор смешал три разные вещи и сделал вид, что получил одну систему.

— А как правильно?

Дмитрий взял лист бумаги и начал объяснять. Через двадцать минут на столе уже лежали две схемы. Через сорок — четыре. Через час он остановился.

— Вот теперь я понял, зачем учителя иногда говорят ученикам просто молчать и слушать.

Она улыбнулась.

— Я много спрашиваю?

— Очень.

— Вам это не нравится?

Он хотел ответить автоматически. Но остановился.

— Иногда раздражает.

— Тогда могу меньше.

— Не надо.

Она удивилась.

— Почему?

— Если перестанете спрашивать из-за того, что мне лень отвечать, какой смысл вообще заниматься?

Она несколько секунд смотрела на него.

— Хорошо.

Дмитрий вдруг понял, что ему нравится её серьёзность. Не та серьёзность, с которой человек пытается выглядеть посвящённым в тайны мира, — другая, обычная. Она могла минуту назад смеяться над его раздражением, а потом мгновенно собраться, если речь становилась важной.

Это качество он заметил почти сразу. И отметил про себя.

* * *

Постепенно появился режим. Не установленный специально — просто сложившийся. Один или два раза в неделю она приходила вечером, иногда в выходной.

Первые месяцы почти всё происходило за обычным столом. Книги, тетради, чай, объяснения. Никаких красивых церемоний, никаких обещаний тайного могущества. Дмитрий вообще старался как можно дольше не давать ей ничего, что могло бы произвести слишком сильное впечатление.

— Почему мы всё время разбираем теорию?

— Потому что вы её не знаете.

— Но практиковать же тоже нужно.

— Нужно.

— Тогда когда?

— Когда будете готовы.

— А как понять?

— Я скажу.

Она посмотрела на него.

— А если я сама почувствую?

— Не считается.

— Почему?

— Потому что новичок особенно хорошо чувствует собственную готовность именно тогда, когда её нет.

Она нахмурилась.

— Это как?

— Чем меньше человек знает, тем меньше видит того, чего не знает.

— А потом?

— Потом становится хуже.

— Почему хуже?

— Начинает понимать масштаб.

Она записала. Дмитрий посмотрел.

— Это можете не записывать.

— Почему?

— Это шутка.

— Хорошая.

— Спасибо.

Она всё равно записала.

* * *

Ма почти не вмешивалась, и это Дмитрия удивляло. Он ожидал комментариев, предупреждений, хотя бы обычного «не так». Но чаще она просто молчала.

Только однажды, после того как девушка ушла, сказала:

Ты слишком много объяснил.

Дмитрий остановился возле двери.

— Где?

В последнем разговоре.

— Что именно?

Ты дал ей ответ раньше, чем она сама дошла до вопроса.

Он нахмурился.

— Я просто объяснял.

Вот именно.

— И что надо было сделать?

Спросить.

— Что спросить?

То, что заставило бы её думать.

Дмитрий снял со стола чашку.

— Я не умею учить.

Учись.

— Это я уже слышал.

Значит, повторение полезно.

— Очень смешно.

На следующей встрече Дмитрий попробовал. Девушка задала вопрос — он не ответил.

— А вы как думаете?

Она растерялась.

— Я поэтому и спрашиваю.

— Я понял.

— Тогда почему не отвечаете?

— Хочу понять, что вы уже знаете.

— Если бы знала, не спрашивала бы.

Дмитрий неожиданно узнал в этой фразе самого себя и усмехнулся.

— Вот примерно так же я разговариваю со своим учителем.

— И что он отвечает?

Дмитрий посмотрел перед собой.

Ма сказала:

Не смей.

Он едва удержал улыбку.

— Обычно что-нибудь, что меня раздражает.

— Помогает?

— К сожалению.

* * *

Первую настоящую практику он дал ей значительно позже, чем она рассчитывала. Очень простую: без сложных действий, без опасных методов. Задача была почти скучной —

дисциплина внимания, счёт, устойчивость, точность и ежедневная запись результата.

Она разочаровалась. Дмитрий заметил сразу.

— Вы ожидали что-то другое?

— Немного.

— Что?

— Не знаю.

— Вот и отлично.

— Почему отлично?

— Потому что если человек заранее знает, каким должен быть мистический опыт, он очень быстро начинает его себе создавать.

— А это вообще мистическая практика?

— Пока нет.

— А что?

— Проверка того, способны ли вы делать простую вещь одинаково каждый день.

— И это важно?

— Намного важнее, чем кажется.

Она кивнула.

— Сколько?

— Пока две недели.

— Каждый день?

— Каждый.

— А если пропущу?

— Запишете, что пропустили.

— И всё?

— А что вы хотите, чтобы я сделал?

— Не знаю. Отругали.

— Вы не в школе.

— Тогда зачем вам знать?

— Чтобы понимать, можно ли вам доверить что-то дальше.

Она перестала улыбаться.

— Поняла.

— Вот теперь действительно поняли.

* * *

Через две недели тетрадь лежала перед ним. Четырнадцать записей. Один день пропущен.

Дмитрий посмотрел.

— Почему?

— Приехала поздно. Очень устала. Решила, что утром сделаю два раза.

— Сделали?

— Да.

— Это не исправляет пропуск.

— Но объём тот же.

— Практика — не бухгалтерия.

Она нахмурилась.

— Какая разница, если количество одинаковое?

— Большая.

Он развернул тетрадь к ней.

— Условие было каждый день.

— Да.

— Не определённое количество за две недели.

— Хорошо.

— Вы сейчас согласились или просто хотите закончить спор?

Она посмотрела на него.

— Пока просто хочу закончить спор.

Дмитрий рассмеялся.

— Отлично.

— Почему?

— Потому что хотя бы честно.

Она тоже улыбнулась.

— Ладно. В чём разница?

Дмитрий объяснил. Не про наказание, не про ритуальную страшилку — про устойчивость. Если человек обещает самому себе выполнить маленькое действие ежедневно и сразу начинает менять условие под собственное удобство, сложные обязательства ему давать рано.

Она долго молчала. Потом сказала:

— То есть начать заново?

— Да.

— Ещё две недели?

— Да.

— Вы специально?

— Нет.

— Похоже.

— Можете не делать.

Она подняла голову.

— Сделаю.

И сделала. Все четырнадцать дней, без пропусков.

На пятнадцатый принесла тетрадь, положила на стол.

— Теперь?

Дмитрий просмотрел.

— Теперь дальше.

Она улыбнулась так, будто получила награду. Он заметил это.

Ма тоже.

Не поощряй зависимость от своего одобрения.

«Я ничего не сказал».

Ты посмотрел.

«И что мне теперь, глаза закрыть?»

Не придуривайся.

Дмитрий опустил взгляд в тетрадь, скрывая улыбку.

— Что? — спросила девушка.

— Ничего.

* * *

Со временем обращение на «вы» начало мешать. Не специально — просто звучало всё более странно.

Они могли несколько часов разбирать текст, спорить, смеяться, пить чай, потом она внезапно говорила:

— А вы считаете...

И дистанция возвращалась на место.

Однажды Дмитрий перебил:

— Давай уже на «ты».

Она замолчала.

— Можно?

— Я вроде только что предложил.

— Я думала, ученикам нельзя.

— Кто сказал?

— Не знаю.

— Значит, никто.

— Хорошо.

Пауза.

— Тогда ты считаешь...

Она остановилась и засмеялась.

— Что?

— Странно.

— Привыкнешь.

— Ты тоже?

— Я уже.

Это было неправдой. Дмитрий ещё несколько встреч иногда автоматически возвращался на «вы», и она каждый раз замечала.

— Ты опять.

— Что?

— «Вы».

— Привычка.

— Стареешь.

Он посмотрел на неё.

— Смелая стала.

— Ты сам разрешил.

— Обращение разрешил. Наглость не помню.

Она рассмеялась.

Ма сказала:

Сам виноват.

«Спасибо».

* * *

Именно тогда Дмитрий впервые заметил, что начинает ждать её прихода. Это открытие ему не понравилось.

До этого ученица была частью работы. Интересной, иногда раздражающей, способной — но всё-таки ученицей. Теперь в день, когда она обычно приходила, Дмитрий ловил себя на том, что заранее освобождает стол, заваривает больше чая, смотрит на часы. Если она задерживалась на десять минут — замечал. На двадцать — начинал раздражаться.

Однажды задержалась почти на час. Не предупредила.

Когда наконец пришла, Дмитрий открыл дверь и сказал:

— Телефон существует.

Она сразу поняла.

— Извини.

— Если задерживаешься, напиши.

— Хорошо.

— Я не собираюсь час сидеть и гадать, придёшь ты или

нет.

Она сняла куртку.

— Ты ждал?

— У нас была договорённость.

— Это не ответ.

Дмитрий посмотрел на неё.

— Не наглей.

Она улыбнулась.

— Значит, ждал.

— Тетрадь доставай.

Она прошла к столу.

Ма молчала — и именно поэтому Дмитрий понял, что разговор ещё не закончен.

После её ухода он спросил:

— Ну?

Что?

— Давай.

Ты уже всё понял.

— Что именно?

Не притворяйся.

Он сел.

— Она мне нравится.

Ма не ответила.

— Я сказал: она мне нравится.

Я слышала.

— И?

Это твоя жизнь.

— Очень удобно.

Ты ожидал запрета?

Дмитрий задумался.

— Не знаю.

Или разрешения?

— Тоже нет.

Тогда зачем спрашиваешь?

Он посмотрел на пустой стул напротив.

— Потому что она моя ученица.

И?

— Есть граница.

Есть.

— Вот.

Но ты сейчас говоришь не о границе. Ты говоришь о чувствах.

— Они могут её разрушить.

Могут.

— Или обучение.

Могут.

— Ты снова совершенно не помогаешь.

Я помогаю тебе не перекладывать решение на меня.

Дмитрий помолчал.

— Ничего не делать?

Это тоже решение.

— Ма.

Что?

— Можно хоть иногда проще?

Можно. Не торопись.

Он кивнул. Вот это уже было понятно.

Не торопиться он, правда, умел хуже всего.

* * *

Несколько месяцев внешне ничего не менялось. Она училась, Дмитрий учил — и одновременно учился сам.

Ма всё чаще заставляла его не отвечать сразу. Оставлять человеку возможность ошибиться. Не подсказывать каждую следующую ступень. Не превращать помощь в постоянное управление чужими решениями.

Для Дмитрия это оказалось труднее, чем он ожидал: если он видел ошибку, хотелось остановить её до того, как она произойдёт.

Ма останавливала его.

Не вмешивайся.

«Она ошибётся».

Пусть.

«Я могу сказать».

Можешь. Но тогда это будет твоё решение, а не её.

«Зачем учитель, если он молчит?»

Чтобы знать, когда молчать.

Эта идея бесила Дмитрия почти физически. И всё же постепенно становилась понятной.

Однажды девушка сама пришла и сказала:

— Ты был прав.

— Редкое приятное начало разговора.

— Не радуйся.

— Уже поздно.

Она положила тетрадь.

— Помнишь, ты спросил, почему я делаю именно так?

— Да.

— Я думала, что ты придираешься.

— Это обычная версия.

— А потом поняла.

— Что?

Она объяснила. Дмитрий слушал и чувствовал одновременно две вещи. Первая — она действительно поняла. Вторая — если бы он тогда дал готовый ответ, она бы просто записала его и пошла дальше.

После её ухода Ма сказала:

Вот зачем.

— Я понял.

Правда?

— Не порть момент.

* * *

Отношения между ними менялись медленно. Настолько медленно, что точную точку потом было невозможно определить.

Когда ученица стала человеком, которого Дмитрий хотел видеть не только ради занятий? Когда разговоры после прак-

тики стали дольше самой практики? Когда она впервые осталась не потому, что был вопрос, а потому, что обоим просто не хотелось заканчивать вечер? Когда Дмитрий начал рассказывать о своей жизни в Индии уже не как учитель, приводящий пример, а просто потому, что хотел поделиться? Когда она перестала сидеть строго напротив и начала устраиваться сбоку, поджав ноги? Когда её чашка получила постоянное место в шкафу?

Ни один момент не выглядел событием.

Но однажды Дмитрий открыл шкаф, увидел две чашки рядом и понял, что вторую уже давно считает её.

Он закрыл дверцу.

— Ма.

Да.

— Ничего.

Я знаю.

— Вот и молчи.

Молчу.

* * *

Первый раз они поссорились из-за совершенно незначительной вещи. Она не выполнила договорённость — не практическую, обычную. Обещала позвонить и не позвонила.

Дмитрий спросил почему. Она ответила:

— Забыла.

— Так и скажи сразу.

— Я и сказала.

— После того как я спросил второй раз.

— Какая разница?

— Большая.

— Для тебя всё большая разница.

— Когда речь о договорённости — да.

Она раздражённо закрыла тетрадь.

— Иногда с тобой невозможно.

— Не обязательно со мной заниматься.

Фраза вылетела слишком быстро. Девушка посмотрела на него, и в комнате стало тихо.

Дмитрий сразу понял, что сказал лишнее. Но отступить мгновенно не захотел. Характер.

Она встала.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Ничего.

Надела куртку.

— Стой.

— Зачем?

— Потому что мы сейчас оба ведём себя как идиоты.

Она всё-таки остановилась. Дмитрий выдохнул.

— Я не хотел сказать, чтобы ты уходила.

— Но сказал.

— Сказал.

— Тогда что?

Он помолчал.

— Разозлился.

— Я тоже.

— Вижу.

— И?

— И я сказал лишнее.

Она смотрела на него ещё несколько секунд.

— Это извинение?

— Да.

— Очень красивое.

— Другого нет.

Уголок её рта дёрнулся.

— Ладно.

Она сняла куртку и снова села. Дмитрий посмотрел перед собой.

Ма сказала:

Прогресс.

«Не сейчас».

Ты извинился меньше чем через пять минут.

«Ма».

Раньше мог сутки ходить злой.

Дмитрий едва удержался, чтобы не закатить глаза. Девушка заметила.

— Что?

— Ничего.

— Опять?

— Опять.

* * *

После этого стало проще. Не идеально — просто честнее. Дмитрий мог раздражаться, она могла спорить. Он повышал голос, потом понимал, что перегнул, и извинялся. Она тоже училась не превращать несогласие в молчаливое наказание.

Ма наблюдала. Иногда вмешивалась. Чаще нет.

Именно в этот период Дмитрий начал понимать, что обучение другого человека совсем не похоже на работу с текстом. Текст можно открыть снова, вернуться к строке, исправить перевод. Человек запоминает не только то, что ты хотел сказать, — он запоминает, как ты сказал. Когда. С каким выражением лица. Что сделал после.

Иногда одна неудачная фраза значила больше десяти правильных объяснений.

Это знание Дмитрию не нравилось. Слишком много ответственности.

Но отказаться от него уже было нельзя.

* * *

Однажды вечером девушка ушла раньше обычного. Дмитрий закрыл дверь, вернулся в комнату. На столе осталась её ручка.

Он взял её, повертел между пальцами.

— Завтра отдам.

Ма спросила:

Скучаешь?

— Она десять минут назад ушла.

Это не ответ.

Дмитрий положил ручку на стол.

— Да.

Тишина.

— Довольна?

Нет.

Он насторожился.

— Почему?

Я не спрашивала, чтобы получить нужный ответ.

— Тогда зачем?

Чтобы ты услышал собственный.

Дмитрий сел.

— Я влюбляюсь.

Ма молчала.

— По-моему, уже.

Да.

На этот раз её короткий ответ не раздражал. Скорее наоборот.

Дмитрий долго смотрел на ручку.

— Это плохо?

Нет.

— Хорошо?

Не задавай детские вопросы.

Он усмехнулся.

— Понял.

Любовь — не гарантия результата. И не причина отказаться от пути.

— Я знаю.

Нет. Пока только думаешь, что знаешь.

Дмитрий хотел возразить. Не стал.

Через некоторое время спросил:

— Она тоже?

Ма ответила сразу:

Не спрашивай меня о том, что должен услышать от неё.

— Справедливо.

Он убрал ручку на край стола. На следующий день девушка забрала её.

А ещё через несколько недель сама сказала то, что Ма отказалась говорить за неё.

* * *

Всё произошло гораздо проще, чем Дмитрий ожидал. Без специального разговора, без красивой сцены.

Они сидели после занятия, на столе остывал чай. Разговор давно ушёл от практики. Она что-то рассказывала, потом остановилась.

— Можно вопрос?

— Ты всё равно задашь.

— Не такой.

— Какой?

Она помолчала.

— Я тебе кто?

Дмитрий не ожидал.

— Ученица.

Она посмотрела на него.

— Только?

Он почувствовал, как внутри всё стало очень тихо.

Ма тоже молчала. Правильно: это был не её разговор.

— Нет.

— А кто?

Дмитрий усмехнулся.

— Ты решила сегодня заставить меня произносить очевидные вещи?

— Да.

Он посмотрел на неё.

— Ты мне очень нравишься.

Она улыбнулась.

— Ты мне тоже нравишься.

— Очень?

Теперь она рассмеялась.

— Не начинай.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. И Дмитрий вдруг почувствовал облегчение. Не восторг, не удар молнии — просто исчезло напряжение, которое уже несколько месяцев находилось между ними и делало вид, что его нет.

Она первой протянула руку. Дмитрий взял её ладонь.

Никакой мистики. Обычное человеческое тепло.

И почему-то именно оно тогда оказалось важнее всего остального.

* * *

Позже, когда она ушла, Дмитрий долго не включал свет в большой комнате. Сидел у окна.

Город за стеклом продолжал жить своей обычной жизнью: машины, окна, редкие прохожие. Никаких знаков. Никаких сверхъестественных событий.

— Ну?

Ма откликнулась:

Что «ну»?

— Ты всё знала.

Что именно?

— Что так будет.

Я знала, что так может быть.

— Опять формулировки.

Они имеют значение.

— Она останется?

Ма замолчала.

Дмитрий сразу почувствовал, что спросил не то.

— Ладно.

Что?

— Не отвечай.

Почему?

— Потому что это как раз тот вопрос, на который я хочу определённый ответ.

Ма ничего не сказала.

Дмитрий улыбнулся.

— Учусь.

Медленно.

— Зато самостоятельно.

Не преувеличивай.

Он рассмеялся. Потом уже серьезнее спросил:

— Что теперь с обучением?

Продолжай.

— Ничего не меняется?

Меняется всё. Но обучение не должно исчезнуть только потому, что изменились ваши отношения.

— А границы?

Станут сложнее.

— Очень полезно.

Ты хотел проще?

— Конечно.

Тогда выбрал не ту жизнь.

С этим спорить было трудно.

* * *

Следующие месяцы действительно стали сложнее. И лучше.

Они продолжали заниматься. Иногда спорили уже не как учитель и ученица, а как мужчина и женщина. Иногда наоборот — личное приходилось оставлять за дверью, потому что начиналась практика и Дмитрий требовал точности.

Она могла возмутиться:

— Пять минут назад ты меня обнимал, а сейчас разговариваешь как экзаменатор.

— Потому что пять минут назад мы не занимались.

— Удобно.

— Очень.

— И никаких скидок?

— Никаких.

— Даже мне?

— Особенно тебе.

Она сердито смотрела. Потом выполняла. Иногда лучше, чем прежде. Иногда хуже — потому что теперь к желанию научиться добавилось желание не разочаровать Дмитрия.

Он заметил это быстро. Ма — ещё быстрее.

Опасно.

«Что?»

Она начинает делать часть вещей для тебя.

«А что плохого?»

Ты хочешь ученицу или человека, который угадывает твоё настроение?

Дмитрий посмотрел на девушку. Она в этот момент старательно повторяла то, что он показал.

«Понял».

После занятия он сказал:

— Мне не нужно, чтобы ты делала это ради меня.

Она удивилась.

— А ради кого?

— Ради себя.

— Но ты учишь.

— Да.

— Значит, мне важно, что ты думаешь.

— Важно. Но если главным результатом для тебя станет моё одобрение, мы всё испортим.

Она некоторое время молчала.

— А если мне приятно, когда ты доволен?

Дмитрий улыбнулся.

— Мне тоже приятно.

— Тогда в чём проблема?

— В пропорциях.

— Очень точный ответ.

— Другого пока нет.

Она кивнула. Разговор вроде закончился.

Но Дмитрий запомнил его. Ма тоже.

* * *

К этому времени девушка уже знала о Ма. Не всё — далеко не всё: Дмитрий вообще не любил подробно рассказывать о таких вещах. Но скрывать сам факт становилось бессмысленно. Слишком часто он замолкал посреди разговора, слишком часто менялось выражение лица, слишком очевидно иногда отвечал кому-то, кого физически в комнате не было.

Однажды девушка спросила прямо:

— Ты сейчас с ней разговариваешь?

Дмитрий посмотрел.

— С кем?

— С Дхумавати.

Он не ответил сразу.

— Почему решила?

— Ты замолчал и смотришь так, будто кто-то тебе что-то объясняет.

— Очень наблюдательная.

— Значит, да?

— Да.

Она тоже замолчала.

— И что она сказала?

Дмитрий усмехнулся.

— Что ты слишком много вопросов задаёшь.

Ма немедленно произнесла:

Я этого не говорила.

Дмитрий рассмеялся.

— Что?

— Теперь сказала, что я вру.

— А ты врёшь?

— Только что — да.

Девушка тоже рассмеялась. Потом серьёзно спросила:

— Она меня видит?

Дмитрий уже собирался ответить.

Ма сказала:

Да.

— Видит.

— Всегда?

— Не знаю, что ты вкладываешь в «всегда».

— Когда я здесь.

Да.

— Когда ты здесь — да.

Девушка немного смутилась.

— Это странно.

— Я привык.

— А она что-нибудь обо мне говорит?

Дмитрий посмотрел на неё.

— Иногда.

— Что?

— Не расскажу.

— Почему?

— Потому что это разговор между мной и ней.

Она хотела возразить. Потом передумала.

— Хорошо.

Дмитрий заметил это. Ещё одна граница. И снова она её приняла.

* * *

Именно после этого Ма впервые заговорила о следующей ступени.

Дмитрий сидел один, девушка уже уехала. На столе лежали две тетради и книга.

Ма сказала:

Скоро можно будет дать ей больше.

Дмитрий поднял голову.

— Что именно?

Потом.

— Нет, вот это твоё «потом» я уже знаю.

Тогда зачем спрашиваешь?

— Это будет обычная практика?

Пауза.

Нет.

Дмитрий выпрямился.

— Для неё?

Для вас обоих.

Он сразу почувствовал изменение. Не страх. Сосредоточенность.

— Парная?

Да.

— Какая?

Ма молчала.

— Я хотя бы должен понимать, к чему её готовить.

Пока — ни к чему новому. Продолжай то, что делаешь.

— А потом?

Потом объясню.

Дмитрий посмотрел на две чашки на столе.

— Это связано с тем, что мы вместе?

Да.

— Обязательно быть парой?

Для этой практики нужен другой тип связи, чем обычные отношения учителя и ученика.

— И она подходит?

Ответ Ма прозвучал медленнее обычного.

Она может подойти.

Дмитрий сразу заметил формулировку. Не «подходит». Может подойти.

— Что должно измениться?

Вы оба.

— Очень конкретно.

Пока конкретнее не нужно.

Он помолчал.

— Это опасно?

Ма ответила:

Если делать то, чего вы ещё не готовы удержать, — да.

Дмитрий почувствовал знакомое желание спросить ещё десять вещей сразу. И остановился.

— Хорошо.

Ма молчала.

— Я сказал «хорошо».

Слышала.

— И никаких комментариев про прогресс?

Не торопись радоваться.

Он усмехнулся. Вот теперь всё было нормально.

На столе лежала забытая девушкой резинка для волос. Ря-

дом — её тетрадь, которую она случайно оставила и завтра должна была забрать.

Ещё год назад квартира принадлежала только Дмитрию, книгам и тишине. Теперь в ней появились чужая чашка, забытые вещи, смех, споры и человек, возвращения которого он ждал.

Он ещё не знал, что именно собиралась предложить Ма. Не знал, насколько глубоко может соединить двух людей практика, которая начинается не с тела и даже не с чувств. Не знал и того, что начать её окажется значительно проще, чем однажды завершить.

Пока перед ним была только ученица. Девушка, которую он полюбил.

И первая практика, с которой Ма не позволяла ему торопиться.

Глава 8

Объединение

Ма вернулась к разговору о парной практике почти через месяц. Дмитрий уже начал подозревать, что она передумала, но не спрашивал: после нескольких попыток он понял, что если Ма сказала «потом», вопрос лучше оставить в покое. Попытки ускорить её «потом» обычно приводили только к тому, что он получал ещё одно «потом», произнесённое значительно более раздражённым голосом.

В тот вечер девушка уехала около десяти. Они занимались почти четыре часа, а после занятия ещё долго разговаривали на кухне.

Дмитрий закрыл за ней дверь, вернулся в комнату, собрал со стола тетради.

Ма сказала:

Теперь.

Он остановился.

— Что теперь?

Можно объяснить.

Дмитрий сразу понял.

— Парную практику?

Да.

Он положил тетради обратно. Сел.

— Я слушаю.

Сначала пойми главное. Это не практика тела.

— Хорошо.

Тело может участвовать. Чувства могут участвовать. Ваши отношения могут участвовать. Но предмет работы — не они.

Дмитрий молчал.

Вы будете работать с тем уровнем, на котором два человека способны создать общую структуру. Не договориться. Не представить. Не сыграть близость. Создать.

— Энергетическую?

Ма не ответила сразу.

Это слово слишком маленькое, но пока можешь пользоваться им.

— Хорошо. Общую энергетическую структуру.

Да.

— И что она даёт?

Не начинай с того, что она даёт.

Дмитрий усмехнулся.

— Я так и знал.

Начни с того, чего она требует.

— Чего?

Доверия. Устойчивости. Честности. Способности не прятать от другого то, что после объединения всё равно станет заметно.

Он нахмурился.

— В каком смысле заметно?

В прямом.

— Мысли?

Не так примитивно.

— Тогда объясни.

Ма некоторое время молчала.

Представь, что ты привык считать себя отдельной комнатой. У тебя есть стены, дверь, вещи, которые ты показываешь, и вещи, которые оставляешь внутри.

— Представил.

А теперь между двумя комнатами убрали часть стены.

Дмитрий сразу понял направление.

— То есть граница остаётся, но становится проницаемой?

Лучше.

— Насколько?

Настолько, насколько вы способны удержать.

— А если такой устойчивости у нас пока нет?

Тогда начинать нельзя.

Он задумался.

— Она способна?

Я сказала: может подойти.

— А я?

Пауза.

Ты тоже.

— Очень убедительно.

Ты хотел услышать, что полностью готов?

— Было бы приятно.

Тогда спроси кого-нибудь другого.

Дмитрий рассмеялся.

— Хорошо. Допустим, оба способны. Что происходит дальше?

Вы начинаете ощущать друг друга не только как двух людей, которые находятся рядом.

— А как?

Как одну систему с двумя центрами сознания.

Он перестал улыбаться.

— Это уже серьёзно.

Поэтому я и не давала тебе это раньше.

— И после завершения?

Связь возникнет раньше. Как только она будет установлена, разорвать её уже нельзя. Завершение не делает связь постоянной — она постоянна с момента установления. Завершение делает общую структуру целостной.

— Даже если мы будем далеко друг от друга?

Расстояние здесь ничего не меняет. Физически вы можете находиться в разных местах, связь всё равно останется.

Дмитрий посмотрел на пустой стул напротив.

— Я смогу чувствовать её, когда она не рядом?

Иногда.

— Она меня?

Да.

— Мысли?

Ты опять за мысли.

— Потому что хочу понять границы.

Не чтение мыслей. Скорее понимание состояния другого до того, как он успел его объяснить словами. Иногда глубже. Иногда значительно глубже.

— Звучит неудобно.

Очень.

— И в этом смысл?

Нет. Это следствие.

— А смысл?

Ма ответила просто:

Синергия.

Дмитрий помолчал.

— В практике?

Во всём, что вы способны делать как единая структура.

— То есть один плюс один больше двух?

Наконец-то простая формулировка.

— Насколько больше?

Ма замолчала. Дмитрий сразу понял, что вопрос ей не понравился.

— Что?

Ты опять хочешь цифру.

— Я люблю цифры.

Знаю.

— Хотя бы порядок.

При правильной совместимости и правильной работе эф-

факт может быть многократным.

— В два раза?

Больше.

— В пять?

Тишина.

— В десять?

Ма ответила:

Иногда и так. Но если ты сейчас зацепишься за число, я вообще прекращу объяснять.

— Понял.

Он действительно понял. Речь шла не о гарантии и не о коэффициенте в таблице.

— Хорошо. Число забыли.

Вот и забудь.

— А теперь самое неприятное.

Что именно?

— Цена ошибки.

Ма не ответила сразу. Дмитрий почувствовал, как изменилось её присутствие: разговор перестал быть теоретическим.

Если связь будет установлена, обратного хода уже не будет. Вы сможете прекратить внешние действия, поссориться, разойтись, даже попытаться строить отдельные жизни — но сама связь не исчезнет. Если общая структура при этом останется незавершённой, именно это и создаст проблемы: две уже связанные структуры будут пытаться жить так, слов-

но они по-прежнему полностью отделены.

— Для кого?

Для обоих.

— Насколько серьёзными?

Достаточно, чтобы я сейчас говорила об этом отдельно.

Он помолчал.

— То есть это нельзя попробовать и, если не понравится, бросить?

Нет. Пробного варианта здесь нет.

— Вообще?

Вообще.

— А если мы расстанемся?

Расставание не разрывает связь.

— Если поссоримся?

Не разрывает.

— Если перестанем общаться?

Тоже не разрывает.

Дмитрий почувствовал неприятный холод внутри.

— То есть после начала появляется обязательство.

Да.

— Перед кем?

Перед структурой, которую вы создали.

— А кто должен её закончить?

Тот, кто начал.

— Я?

Ты инициатор.

— А она?

Она участник. Без неё ты не создашь эту структуру. Но ответственность за то, что ты предложил начать, лежит на тебе.

Дмитрий медленно кивнул.

Вот теперь ему стало понятно, почему Ма тянула.

* * *

На следующий день он ничего девушке не сказал. И через день тоже. Хотя она заметила почти сразу.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты второй день какой-то задумчивый.

— Работа.

Она посмотрела на него.

— Врёшь.

— Почему сразу вру?

— Потому что когда у тебя работа, ты ругаешь работу. А сейчас молчишь.

Дмитрий усмехнулся.

— Наблюдательная стала.

— Учитель хороший.

— Не льсти.

— Я серьёзно.

Он хотел перевести разговор. Не получилось.

— Это связано со мной?

Дмитрий посмотрел на неё.

— Частично.

— Тогда скажи.

Он немного помолчал.

— Ма объяснила ту парную практику.

Она сразу стала серьёзной.

— И?

— И я пока думаю.

— Почему ты думаешь один?

Вопрос застал его врасплох.

— Потому что ответственность моя.

— А участвовать буду я.

— Да.

— Тогда почему решение только твоё?

Дмитрий открыл рот. Закрыл.

Ма тихо сказала:

Хороший вопрос.

«Спасибо».

Девушка ждала.

— Не только моё.

— Тогда расскажи.

— Не сегодня.

Она нахмурилась.

— Почему?

— Потому что я хочу сначала понять, как объяснить так, чтобы ты не согласилась просто потому, что доверяешь мне.

Она несколько секунд молчала.

— А это плохо?

— В данном случае — да.

— Почему?

— Потому что я твой учитель.

— И?

— И если я скажу: «Это следующая ступень, надо делать», ты можешь решить, что отказ означает остановку обучения.

— А это так?

— Нет.

— Тогда скажи сразу.

Дмитрий посмотрел на неё.

— Даже если ты откажешься, обучение продолжится.

— Хорошо.

— И наши отношения продолжатся.

— Хорошо.

— И я не буду считать, что ты меня подвела.

Она улыбнулась.

— Ты заранее готовишь меня сказать «нет»?

— Я заранее хочу убедиться, что твоё «да» действительно твоё.

Она перестала улыбаться. Потом медленно кивнула.

— Вот теперь рассказывай.

* * *

Он рассказывал долго. Не показывал никаких действий, не давал последовательности, не говорил, что именно им придётся делать технически, — пока это было не нужно.

Объяснил смысл. Общая структура. Глубокая синхронизация. Изменение восприятия друг друга. Ускорение практики. И главное — невозможность просто остановиться на середине.

Она слушала, почти не перебивая. Когда Дмитрий закончил, спросила:

— То есть если мы установим эту связь, а потом расстанемся, она всё равно останется?

— Да. Уже навсегда.

— Даже если практика будет завершена?

— Завершение её не убирает. Оно вообще не для этого.

— Тогда что оно меняет?

— Делает общую структуру целостной. При правильном завершении мы не возвращаемся к состоянию двух полностью независимых внутренних систем. Мы остаёмся двумя людьми, двумя телами, но внутри этой практики — одной связанной душевно-энергетической структурой.

— То есть два тела одной души?

— Да.

— А если люди к этому не готовы и всё-таки разойдутся?

— Физически разойтись можно. Связь от этого никуда не денется. Но если практика осталась незавершённой, эта связь начинает мешать каждому жить как полностью отдельная система: то, что уже объединено, пытаются заставить существовать порознь.

Она подумала.

— Ты боишься?

Дмитрий ответил честно:

— Да.

— Чего?

— Что ошибусь в тебе.

Она нахмурилась. Он сразу добавил:

— И в себе.

— Так лучше.

— Я не пытался тебя обидеть.

— Но прозвучало так, будто я экзамен, который ты должен правильно оценить.

— В некотором смысле мы оба экзамен.

— Для кого?

Дмитрий пожал плечами.

— Для самих себя.

Она долго молчала. Потом спросила:

— Ма считает, что я готова?

— Ма считает, что ты можешь быть готова.

— Опять ваши формулировки.

— Теперь понимаешь, почему они меня бесят?

Девушка улыбнулась.

— Немного.

— Вот.

— А ты хочешь?

Вопрос прозвучал значительно тише. Дмитрий не ответил сразу.

— Да.

— Почему?

— Потому что люблю тебя.

Она посмотрела ему в глаза.

— Это причина для практики?

— Нет.

— Тогда почему?

Он задумался.

— Потому что я хочу идти дальше. И хочу попробовать идти дальше вместе с тобой.

Она кивнула.

— Тогда я тоже хочу.

— Не отвечай сейчас.

— Почему?

— Потому что пять минут назад я сказал, что люблю тебя.

— И?

— Это влияет.

— Конечно, влияет. Мы же не чужие люди.

— Именно поэтому подумай.

— Сколько?

— Сколько нужно.

Она вздохнула.

— Иногда ты ужасно раздражаешь.

— Знаю.

— Я могу сейчас сказать, что хочу, а завтра подтвердить?

— Можешь.

— Хорошо.

Она встала, подошла к нему, поцеловала в щёку.

— Тогда завтра подтверждаю.

— Очень независимое решение.

— Завтра узнаешь.

Ма молчала. Дмитрий почему-то был уверен, что она довольна.

* * *

На следующий вечер девушка пришла раньше обычного. Без тетради — такого ещё не бывало.

Сняла куртку, прошла в комнату. Дмитрий ждал, что она сама начнёт разговор.

Она села.

— Я подумала.

— И?

— Да.

— Уверена?

— Да.

— Если я скажу, что можно отказаться прямо сейчас?

— Всё равно да.

— Если я скажу, что это никак не влияет на обучение?

— Ты уже говорил.

— На наши отношения?

— Тоже.

— И всё равно?

Она посмотрела на него.

— Дмитрий.

— Что?

— Прекрати.

Он улыбнулся.

— Хорошо.

Ма сказала:

Теперь её решение принято.

Дмитрий мысленно ответил:

«Я понял».

Нет. Запомни. Это важно.

Он перестал улыбаться.

«Запомнил».

* * *

Подготовка заняла ещё несколько недель, и именно она стала первым испытанием. Ма не позволяла торопиться.

Дмитрий несколько раз раздражённо спрашивал:

— Мы вообще когда-нибудь начнём?

Когда вы перестанете относиться к началу как к цели.

— А к чему надо относиться как к цели?

К завершению.

Эта фраза потом вернётся к нему много раз. В тот момент Дмитрий воспринял её почти как очередную методическую формулировку. Позже поймёт, насколько буквально она была сказана.

Они продолжали обычные занятия, разговоры, совместные вечера. Иногда практиковали отдельно друг от друга. Ма

наблюдала.

Дмитрий постепенно перестал спрашивать, когда.

И именно тогда она сказала:

Можно.

* * *

Первый этап оказался почти разочаровывающе спокойным. Дмитрий ожидал чего-то гораздо более заметного.

Ма заранее предупредила:

Не охоться за ощущениями.

Он всё равно охотился.

Первые дни ничего необычного. Потом появились мелочи.

Дмитрий однажды собирался написать девушке, взял телефон — а сообщение уже пришло от неё:

«Ты сейчас хотел написать?»

Он посмотрел на экран и ответил:

«Да».

Через несколько секунд:

«Я почему-то знала».

Дмитрий положил телефон.

— Ма.

Что?

— Началось?

Возможно.

— Ты специально?

Что?

— Ничего.

В другой раз они сидели рядом, каждый занимался своим: Дмитрий читал, девушка что-то записывала. В какой-то момент он почувствовал внезапное раздражение, совершенно без причины. Поднял глаза — она сидела нахмурившись.

— Что?

— Ничего.

— Ты злишься.

Она посмотрела удивлённо.

— Немного.

— На меня?

— Нет.

— Тогда на что?

Она объяснила. Проблема действительно была её, но раздражение Дмитрий почувствовал раньше, чем увидел выражение лица.

Он не стал делать выводов. Просто записал.

Через неделю случилось наоборот. Девушка внезапно спросила:

— У тебя голова болит?

Дмитрий посмотрел на неё.

— Почему?

— Не знаю. Просто ощущение.

Голова действительно начинала болеть.

— Немного.

Она задумалась.

— Странно.

Дмитрий тоже так считал.

* * *

Со временем совпадений становилось больше. Они перестали быть забавными — слишком системными.

Иногда Дмитрий просыпался с ощущением её тревоги, и через несколько минут приходило сообщение. Иногда она звонила именно в тот момент, когда он о ней думал.

Однажды он сидел на работе и внезапно почувствовал настолько сильную тоску, что отложил документ. Причины не было.

Через минуту он понял: не моя.

Сразу написал:

«Что случилось?»

Ответ пришёл почти мгновенно:

«Откуда ты знаешь?»

Он смотрел на эти слова долго. Потом написал:

«Рассказывай».

В тот день девушка впервые призналась, что с утра было тяжело и она несколько часов пыталась никому об этом не говорить.

После работы Дмитрий спросил Ма:

— Это уже оно?

Часть.

— Насколько далеко может зайти?

Дальше, чем тебе сейчас понравилось бы.

— Почему не понравилось бы?

Потому что пока ты радуешься возможности чувствовать хорошее. Потом поймёшь, что плохое тоже становится ближе.

Он замолчал.

Действительно. Если структура общая, невозможно открыть дверь только для приятного.

* * *

Следующий этап изменил всё значительно сильнее. Дмитрий не смог бы точно описать момент: не было щелчка, не было вспышки.

В какой-то день он просто понял, что воспринимает присутствие девушки даже тогда, когда не смотрит на неё. Не слышит. Не касается. Она была на кухне, а он всё равно знал, когда она встала, когда остановилась, когда собиралась вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.